

Къ вопросу о социальномъ идеалѣ и возрожденіи естественнаго права¹⁾).

I.

Проф. П. И. Новгородцевъ возбудилъ вопросъ о «возрожденіи естественнаго права», о характерѣ и взаимоотношеніи руководящихъ въ области новаго теченія доктринъ и о надлежащей постановкѣ и разработкѣ дѣла возрожденія естественнаго права въ будущемъ.

Въ своей статьѣ «Современное положеніе проблемы естественнаго права» (въ 1-й книгѣ «Юридическаго Вѣстника», стран. 18 и слѣд., уважаемый авторъ указываетъ, что «нѣкогда отвергнутая и поруганная проблема естественнаго права снова заняла почетное мѣсто въ новѣйшей философской и юридической литературѣ», сообщаетъ, что «два писателя въ особенности выдвинулись въ новѣйшей философіи права; это — Штаммлеръ и Петражицкій», даетъ краткую характеристику ученій этихъ писателей, отвергаетъ ихъ оба и формулируетъ свое, третье, рѣшеніе, какъ единственно возможное и правильное рѣшеніе проблемы «возрожденія естественнаго права».

Вопросы, возбуждаемые и рѣшаемые авторомъ, имѣютъ существенное значеніе какъ для ориентировки въ современномъ положеніи дѣла въ области правовѣдѣнія и социальной философіи и сознательнаго отношенія къ существующимъ здѣсь теченіямъ и ученіямъ, такъ и для выясненія того пути, по которому намъ слѣдуетъ итти дальше.

Мнѣнія столь виднаго и почтеннаго представителя философіи права и общественной мысли вообще, какъ П. И. Новгородцевъ, имѣютъ свой вѣсъ и значеніе и заслуживаютъ серьезнаго вниманія,

¹⁾ Настоящая статья представляетъ часть сочиненія, предположеннаго подъ заглавіемъ: «О разныхъ исправленіяхъ социального идеализма и «возрожденіи естественнаго права».

хотя они и изложены кратко, безъ обстоятельнаго обоснованія. Къ тому же авторъ обѣщаетъ доставить обстоятельное ихъ обоснованіе и развитіе въ подготовляемомъ къ печати трудѣ: «Возрожденіе естественнаго права».

Я съ своей стороны полагаю, что въ воззрѣніи автора по обсуждаемымъ имъ вопросамъ вкрались нѣкоторыя ошибки, мѣшающія достиженію искомаго свѣта въ его статьѣ и могущія существенно умалить научную успѣшность и цѣнность подготовляемаго болѣе крупнаго труда. И вотъ задачею дальнѣйшаго изложенія является выясненіе подлежащихъ недоразумѣній и вообще сильное содѣйствіе достиженію научнаго свѣта въ общемъ великомъ дѣлѣ «возрожденія естественнаго права» и тѣмъ самымъ правно-философскаго и вообще общественнаго практическаго идеализма.

Прежде всего я коснусь вкратцѣ замѣчаній П. И. Новгородцева о моемъ ученіи.

Онъ изображаетъ дѣло такъ, что я первоначально имѣлъ въ виду достигнуть возрожденія естественнаго права въ формѣ созданія науки политики права, но «отыскивая путь въ Индію», попалъ въ Америку. «Ища обоснованія для своего пониманія естественнаго права и для построенія политики права, онъ нашель психологическую теорію права, на которой и остановился. Я нисколько не хочу умалять значеніе психологической теоріи Петражицкаго; для меня несомнѣнно, что она представляетъ крупную заслугу этого... юриста. Но обоснованія идеи естественнаго права мы все же у него не находимъ, и я думаю, что для того, кто хочетъ искать такого обоснованія, психологическая теорія права опорой быть не можетъ» (стран. 21). Дальше авторъ указываетъ, что въ частности мое ученіе объ интуитивномъ правѣ «совершенно не совпадаетъ съ понятіемъ естественнаго права» и искомаго обоснованія естественнаго права не содержитъ.

Эти положенія отчасти правильны, отчасти ошибочны.

Задача, которую я себѣ поставилъ и надъ которой работалъ болѣе 20 лѣтъ и продолжаю работать, состоитъ въ обоснованіи возможности и научной подготовкѣ построенія науки законодательной, вообще правовой, политики на почвѣ опытно-психологическаго изученія права и его причинныхъ свойствъ, причинныхъ дѣйствій.

Уже для того, чтобы знать и понимать, чего, какихъ причинныхъ эффектовъ можно съ помощью права достигнуть, какія задачи можно въ области законодательства и вообще правового творчества ставить и рѣшать, стало-быть и какіе идеалы, въ качествѣ достижимыхъ, здѣсь можно выставлять, необходимо знать природу и

причинныя свойства права, какъ своеобразнаго причиннаго фактора соціально-психической жизни.

Тѣмъ болѣе не можетъ быть рѣчи о сознательно-раціональномъ законодательствѣ, вообще о сознательно-раціональномъ оперированіи правомъ, какъ средствомъ, для достиженія такихъ или иныхъ цѣлей, такихъ или иныхъ — представляемыхъ, идеальныхъ причинныхъ эффектовъ, если мы не знаемъ природы и причинныхъ свойствъ, причинныхъ дѣйствій того, чѣмъ мы оперируемъ.

Всякая техника предполагаетъ знаніе природы, состава, физическихъ или химическихъ свойствъ и дѣйствій того, чѣмъ она оперируетъ, какъ средствомъ для достиженія такихъ или иныхъ техническихъ эффектовъ.

Медицина не можетъ существовать безъ фармакологическихъ познаній, безъ изученія и познанія дѣйствія на человѣческой организмъ лѣкарственныхъ веществъ и вообще того, что примѣняется въ качествѣ средства для достиженія причиннаго эффекта, состоящаго въ устраненіи или ослабленіи болѣзненныхъ процессовъ или патологическихъ факторовъ въ организмѣ.

Кажется ясно и просто.

Стало-быть тотъ, который, имѣя въ виду создать научный базисъ для научной политики права, пытается создать опытно-психологическую теорію права, совсѣмъ не попадаетъ въ Индію вмѣсто Америки, не сбивается съ пути, а какъ разъ идетъ по надлежащему пути (хотя, конечно, сдѣланныя по дорогѣ открытія, въ случаѣ правильности, цѣнны и сами по себѣ, независимо отъ ихъ значенія, какъ этаповъ движенія къ дальнѣйшей цѣли).

А тѣ, которые считали бы возможнымъ устанавливать для права и законодательства идеальныя задачи, идеалы, не зная и не интересуясь знать, что такое право, какъ своеобразное сложное психическое явленіе, каковъ его психологическій составъ, какъ оно дѣйствуетъ на психику человѣческую въ качествѣ импульса къ опредѣленному поведенію и фактора образованія характера, — именно двигались бы по ложному пути.

Идя по этому пути, нельзя открыть ни Индіи, ни Америки, а можно только произвольно фантазировать и конструировать, внѣ опыта и законовъ причинной связи, компрометируя только легкомысленными построеніями дѣло политическаго, правно-философскаго идеализма.

Мы уже имѣли не мало произвольно конструированныхъ безъ базиса опытнаго познанія права и соответственныхъ законовъ причинной связи идеальныхъ, умопостигаемыхъ, и проч. системъ права, Руссо, Канта и т. д.; и мы видѣли соответственный крахъ

и разочарованіе и столь сильное скомпрометированіе дѣла указанія со стороны науки идеальныхъ путей для законодательства, что почти цѣлое столѣтіе считалось даже недопустимымъ и неприличнымъ говорить о подобныхъ темахъ. И воцарилось въ концѣ концовъ въ юриспруденціи, вмѣсто прежняго идеальнаго, пошло-практическое, чтобы не сказать циническое, отношеніе къ праву и правнo-философское міросозерцаніе, бессознательное воспроизведеніе хитроумно-наивныхъ ученій древнихъ софистовъ, считавшихъ наивностью вѣрить во что-либо кромѣ силы и интересовъ, полагавшихъ, что право, какъ и нравственность, религія и т. д., придумано сознательно умными людьми для лучшаго проведенія извѣстныхъ расчетовъ и интересовъ; а работа юриспруденціи упала до уровня заботы о карманныхъ интересахъ собственниковъ, кредиторовъ и т. д. и такого толкованія права, при которомъ бы этимъ господамъ легко было доказывать и выигрывать иски въ судахъ (Герингъ и его школа).

И если съ помощью соответственныхъ научныхъ изслѣдованій удалось достигнуть нѣкотораго поворота, если удалось убѣдить специалистовъ въ возможности возобновленія идеальнаго дѣла прежнихъ школъ естественнаго права, но уже не въ видѣ произвольнаго конструированія и фантазирования, а въ видѣ научно-обоснованной, основанной на реальныхъ, опытныхъ данныхъ и изученіи реальныхъ причинныхъ зависимостей, политики права, и въ существованіи для правовѣдѣнія солидной, научной почвы для постановки и разработки несоизмѣримо болѣе широкихъ, высокихъ, великихъ и идеальныхъ задачъ, чѣмъ софистическое толкованіе законовъ въ угоду карманныхъ интересовъ кредиторовъ насчетъ должниковъ и т. п., то хочется воскликнуть по адресу друзей правнo-философскаго и социальнаго идеализма: только ради Бога осторожно, чтобы не компрометировать начатаго дѣла возвращеніемъ къ произвольному апріорному конструированію и фантазированію!

Въ тѣхъ счастливыхъ и процвѣтающихъ областяхъ познанія, гдѣ дѣло уже поставлено или давно поставлено на почву опыта и причиннаго познанія, познанія причинныхъ дѣйствій изучаемыхъ предметовъ и явленій (законовъ причинныхъ зависимостей), тамъ соответственное успѣшное и быстро прогрессирующее добываніе теоретическаго свѣта, психологически естественно и неизбежно, сопровождалось и сопровождается утилизаціей этого свѣта на благо человѣчества, въ видѣ соответственнаго прикладнаго знанія, умѣнія сознательно-раціональнаго приложенія этого знанія для постановки и рѣшенія подлежащихъ практическихъ задачъ.

И если бы правовѣдѣніе дошло, хотя бы лѣтъ 100 или 200 лѣтъ тому назадъ, до опытно-психологическаго познанія права и психологическаго изслѣдованія его многообразныхъ и сложныхъ дѣйствій на индивидуальную и массовую человѣческую психику, его глубокихъ, сложныхъ и многообразныхъ причинныхъ дѣйствій въ качествѣ фактора мотиваціи поведенія и образованія, развитія и постепенной передѣлки, перевоспитанія человѣческаго характера, то оно бы уже, конечно, имѣло и научную политику права, т.-е. сознательно-раціональную утилизацію подлежащаго теоретическаго научнаго свѣта на благо человѣчества, для достиженія желательнаго соціальнаго поведенія и соціальнаго воспитанія. И не надо было бы въ концѣ XIX столѣтія затрачивать немало времени и энергіи на то, чтобы доказывать людямъ самую возможность построенія соотвѣтственной науки, на почвѣ научнаго, опытнаго познанія, въ отличіе отъ прежнихъ, справедливо сданныхъ въ архивъ исторіи, попытокъ конструированія идеальнаго права помимо опыта и вопреки опыту, путемъ дедукціи изъ придуманной верховной формулы или т. п.

И если не только нѣтъ до сихъ поръ научной политики права, но еще недавно сама идея возможности и необходимости такой науки возбуждала недоумѣнія и пожиманіе плечами, ставилась въ серіозный минусъ при факультетскомъ обсужденіи кандидатуры автора этой идеи, какъ если бы онъ сталъ изобрѣтать научныя нелѣпости и абсурды, и вполнѣ серіозные и дѣльные ученые могли указывать, что проповѣдуемая новая наука предполагала бы даръ пророческій,— то это объясняется тѣмъ и единственно тѣмъ, что до сихъ поръ не было соотвѣтственнаго теоретическаго свѣта, то-есть опытно-психологическаго познанія права и его дѣйствія на психику; при обладаніи каковымъ научнымъ свѣтомъ можно съ успѣхомъ и безъ дара пророческаго предвидѣть причинные эффекты такихъ или иныхъ правовыхъ реформъ, вообще итти по пути *savoir pour prévoir, prévoir pour agir* (знать для того, чтобы предвидѣть, предвидѣть, чтобы разумно дѣйствовать).

Почему, съ другой стороны, до сихъ поръ не было научно-теоретическаго, опытно-психологическаго, познанія права, и даже не было извѣстно, что такое собственно право и гдѣ оно находится и можетъ быть изучаемо, почему одни смѣшивали право съ начальственными приказами, соединенными съ угрозами, подобно разбойничьимъ актамъ (Герингъ и др.), другіе строили какія-то странныя фикціи какой-то «общей воли», «общаго признанія» и со стороны незнающихъ даже о предметахъ ихъ «признанія», съ подкрѣпленіемъ этого еще десятками разныхъ другихъ бессознательныхъ

и даже сознательныхъ фикцій того, чего не только нѣтъ на опытѣ, но и быть по законамъ природы не можетъ (Бирлингъ и др.)?

Открытие источника этихъ заблуждений и тѣмъ самымъ пути къ опытному познанію права, къ простому и экспериментальному наблюденію реальныхъ феноменовъ права, было основною и важнѣйшею задачею для построения опытной теоріи права, какъ базиса для научной политики права.

Я думаю, что эту задачу, рѣшеніе которой представляетъ *conditio sine qua non* и научно-теоретическаго и научно-политическаго изслѣдованія и мышленія въ области права, удалось рѣшить. И, судя по тому, что почтенный критикъ моего ученія говоритъ о психологической теоріи права, какъ таковой, можно думать, что и онъ съ этимъ согласенъ. Только онъ полагаетъ, что подлежащая психологическая теорія права не имѣетъ никакого отношенія къ задуманному дѣлу «возрожденія естественнаго права», что открытіе цѣнно, но оно произошло на почвѣ отклоненія отъ прежняго пути.

Фактически дѣло происходило въ совсѣмъ иномъ порядкѣ. Дѣло началось съ открытія и уразумѣнія возможности научно-психологическаго, опытнаго, изученія права и его причинныхъ свойствъ и на этой почвѣ получилось уразумѣніе возможности построения на этой, опытно-психологической, почвѣ научной, понимающей и предвидящей, политики права, возобновленія идеальнаго дѣла прежнихъ школъ естественнаго права, уже въ видѣ подлинной, на опытѣ и знаніи законовъ причинныхъ зависимостей, основанной, науки разумнаго, раціональнаго законодательства, вмѣсто прежняго произвольно виѣопытнаго конструирования утопическихъ или просто несообразныхъ по законамъ природы, человѣческой психики, системъ.

Основнымъ, впервые давшимъ возможность опытнаго, въ частности экспериментальнаго, познанія реального права, было уразумѣніе на почвѣ соответственныхъ психологическихъ изслѣдованій того, что въ тѣхъ сферахъ, гдѣ до сихъ поръ наивно предполагали существованіе права и помѣщали соответственныя фантастическія конструкціи, на самомъ дѣлѣ ничего реального нѣтъ, а находится право и можетъ быть наблюдаемо и экспериментально изучаемо совсѣмъ въ другой сферѣ; между тѣмъ какъ на выясненной мною психологической почвѣ — дѣйствія эмоцій въ направленіи появленія эмоціальныхъ фантазій, проекцій — переживающей правовое сужденіе, напр., «казна имѣетъ право на то-то», наивно предполагаетъ, что подлежащее «право» находится тамъ гдѣ-то (куда онъ совершаетъ наивную проекцію), у какого-то страннаго (я причиняющаго величайшія затрудненія теперешней юриспруденціи)

субъекта — «казны», въ дѣйствительности реальный правовой феноменъ находится въ психикѣ того, кто себѣ представляетъ «казню», наивно проицируетъ на эту представляемую персону что-то въ родѣ какого-то предмета, могущаго находиться въ обладаніи этой персоны, «казны» — «право» и т. д. Именно выясненіе того, что принимаемое теперешнею не опытною и против-опытною наукою права за реальное въ правѣ, представляетъ нѣчто нереальное, идеологическое, фантастическое, а реальное право и его элементы, субъекты, объекты и проч., находятся совсѣмъ въ другой сферѣ и можетъ быть тамъ опытно, въ томъ числѣ экспериментально, изучаемо, какъ особые психическіе феномены въ психикѣ совершающихъ наивныя проекціи въ пространство «обязанностей», «правъ», «нормъ» и проч., и было тѣмъ научнымъ компасомъ, который указывалъ путь ко всѣмъ дальнѣйшимъ построеніямъ, въ томъ числѣ къ идеѣ научной, на опытно-психологической почвѣ, базированной политики права.

Что эта основная идея моей психологической теоріи права уже была извѣстна и предполагалась при построеніи программы науки политики права, это не трудно усмотрѣть хотя бы изъ того, что по этому вопросу говорится въ приложеніи ко второму тому моей «Lehre vom Einkommen», «Entwurf II, Civilpolitik und politische Oekonomie (стран. 437—628), содержащемъ изложеніе подлежащей программы. Такъ, на стран. 462 и слѣд. указывается на невозможность отыскиванія элементовъ правовыхъ явленій во внѣшнемъ мірѣ, намѣчается изложенная мною впоследствии подробно психологическая теорія субъектовъ права, и физическихъ и юридическихъ лицъ, какъ чего-то существующаго только идеально, представляемаго («Ebenso die sog. «physischen» wie die sog. «juristischen Personen» sind keine Erscheinungen der objektiven sinnlichen Welt... Die Person... ist eine ideelle Güterstation...), указывается, что права суть лишь нѣчто идеальное («Die Verbindung der Güter mit der Vertheilungsstation ist gleichfalls ideell — subjektive Rechte») и т. д. И вообще психологическія точки зрѣнія и соображенія въ тѣхъ изслѣдованіяхъ, которыя подготовляли и обосновывали программу построенія политики права на психологической почвѣ, естественно фигурируютъ на каждомъ шагѣ, неуклонно подчеркивается необходимость и иллюстрируется возможность и плодотворность введенія въ науку права психологическихъ изслѣдованій уже для пониманія смысла права, въ частности для замѣны поверхностной точки зрѣнія частныхъ, денежныхъ, исковыхъ и т. д. интересовъ, примѣняемой Герингомъ и его послѣдователями, экономическою, народо-хозяйственною точкою зрѣнія, для замѣны поверхностной точки зрѣнія сознательнаго придумыванія права

умными людьми для своихъ интересовъ точкою зрѣнія соціально-психическаго безсознательнаго приуроченія и развитія права и т. д. и т. д. Вообще вся суть и особенность тѣхъ многочисленныхъ спеціальныхъ изслѣдованій, которыя имѣли цѣлью подготовить построение научной политики права путемъ выясненія посылокъ и метода для этой науки и убѣжденія другихъ въ возможности и плодотворности примѣненія этихъ посылокъ и этого метода въ области правно-политическаго освѣщенія существующаго права и заполнения его пробѣловъ и въ области политики права въ тѣсномъ смыслѣ слова — состояли именно во введеніи психологическихъ посылокъ и психологической дедукціи, какъ основного метода (съ опытно-индуктивною провѣркою въ качествѣ дополнительнаго метода).

И порядокъ разрушенія укорененныхъ предразсудковъ позитивистической юриспруденціи и замѣна ихъ признаніемъ возможности и желательности «возрожденія естественнаго права» въ видѣ науки политики права состоялъ, какъ не трудно всякому желающему убѣдиться по соотвѣтственной литературѣ тогдашняго времени, критическимъ статьямъ, брошюрамъ и проч., былъ таковъ, что прежде всего получилось весьма рѣшительное, можно сказать, единодушное признаніе удачности результатовъ примѣненія подлежащаго метода, затѣмъ, послѣ выясненія особенностей подлежащаго метода, признаніе плодотворности, «удивительной плодотворности» и т. п. подлежащаго метода и затѣмъ, на этой почвѣ, признаніе возможности построения съ помощью подлежащаго метода и посылокъ науки политики права.

Между прочимъ, и самъ П. И. Новгородцевъ прежде изображалъ дѣло иначе и психологическую теорію права считалъ не уклоненіемъ отъ надлежащаго пути къ возрожденію естественнаго права, а, напротивъ, правильнымъ путемъ отъ прежняго позитивизма къ новому возрожденію естественнаго права и надлежащею посредственною ступеню и стадіей.

Въ своей интересной и превосходной во многихъ отношеніяхъ статьѣ: «Нравственный идеализмъ въ філософіи права» въ «Проблемахъ идеализма» (Сборникъ статей подъ редакціей П. И. Новгородцева, 1902 г.) авторъ рѣшительно настаивалъ на возможности и желательности изученія нравственности и права «какъ внутренне-психическаго индивидуальнаго переживанія» (стр. 274) и посвятилъ обоснованію этого обстоятельную аргументацію. И для него, и съ его точки зрѣнія такое, индивидуально-психологическое, познаніе права представлялось цѣннымъ именно въ качествѣ ступени къ возрожденію естественнаго права, въ качествѣ средняго

гносеологическаго звена между формально-позитивной догматикой и «этической теоріей права», или естественно-правовымъ построениемъ. Въ частности на стран. 280, 281 онъ говорилъ:

«Такимъ образомъ психологическая теорія необходимо должна перейти въ этическую теорію. Я бы сказала, что это три стадіи подъема въ развитіи нормативнаго начала:

1. Формально-позитивная догматика, не выходящая изъ сферы обработки дѣйствующаго права...

2. Эмпирической анализъ идеи права, какъ внутренне-психическаго индивидуальнаго переживанія. Блестящимъ образцомъ такого анализа служитъ теорія проф. Петражицкаго. Здѣсь совершается необходимое расширение теоретическаго поля зрѣнія, но это не болѣе, какъ путь и ступень, оставаясь на которыхъ мы еще не можемъ притти отъ эмпирическихъ явленій къ идеальнымъ началамъ¹⁾.

3. Этическая теорія права, классическіе примѣры которой даны намъ въ системахъ великихъ нѣмецкихъ идеалистовъ и которая связываетъ философію права со всемъ философскимъ міросозерцаніемъ, т.-е. вводитъ ее въ естественную связь понятій».

Тамъ же, на стран. 279, 280, авторъ, выразивъ одобреніе по адресу психологической теоріи права, затѣмъ продолжаетъ:

Но для ея завершенія необходимо, какъ на это уже было указано критикою, чтобы эта психологическая теорія перешла въ этическую... Проф. Петражицкій пока этого шага не дѣлаетъ, но это возможно только въ первой части его работы, посвященной выясненію предварительныхъ понятій. По плану автора, за этою частью должна послѣдовать вторая — политика права, и здѣсь необходимость этическаго элемента скажется сама собою: для политики прежде всего необходимо выяснитъ вопросъ о цѣли права и опредѣлить ее съ точки зрѣнія должнаго».

Такое пониманіе и изображеніе дѣла значительно правильнѣе, чѣмъ то, что почтенный авторъ говоритъ теперь по этому вопросу, и на почвѣ такого пониманія дѣла намъ не трудно было бы достигнуть согласія относительно программы «возрожденія естественнаго права» или «соціального идеализма».

Тѣмъ болѣе, что то, чего авторъ отъ меня требуетъ въ качествѣ надлежащаго завершенія правильно начатаго дѣла, и что онъ предполагаетъ, какъ возможное и вѣроятное въ будущемъ съ моей

¹⁾ Я съ этимъ, конечно, вполне согласенъ.

стороны, уже давно было мною сдѣлано; такъ что достаточно простой литературной справки, чтобы его совѣтъ и условное одобрение на случай исполненія указываемаго превратились въ безусловное одобрение.

А именно указаніе автора, что «для политики права прежде всего необходимо выяснитъ вопросъ о цѣли права» (точнѣе: выяснитъ вопросъ о цѣли, задачѣ, идеалѣ политики права), исполнено мною уже 20 лѣтъ тому назадъ, въ появившемся въ 1893 году первомъ томѣ «*Lehre vom Einkommen*», стран. 339 и слѣд.¹⁾; затѣмъ соотвѣтственныя объясненія и основной тезисъ о высшей цѣли, идеалѣ, политики повторялись мною въ приложеніи ко второму тому того же сочиненія въ 1895 году и въ рядѣ послѣдующихъ сочиненій на русскомъ языкѣ, въ послѣдній разъ въ предисловіи къ моему «Теоріи права» (философіи права и нравственности, долженствующей состоятъ изъ двухъ частей, изъ теоріи и политики права и нравственности), «Введеніи въ изученіе права и нравственности».

Для пониманія дальнѣйшаго привожу соотвѣтственные тезисы въ краткой, афористической формулировкѣ предисловія къ этому сочиненію:

Существо правно-политическихъ проблемъ сводится къ научно-обоснованному предопредѣленію тѣхъ результатовъ, наступленія которыхъ слѣдуетъ ожидать въ случаѣ введенія извѣстныхъ правоположеній, и къ выработкѣ такихъ началъ, введеніе коихъ путемъ законодательства (или инымъ путемъ, напр., въ международной области) въ систему дѣйствующаго права сдѣлалось бы причиной извѣстнаго желательнаго эффекта. Поэтому въ основу научной политики права должно быть положено изученіе причинныхъ свойствъ, причиннаго дѣйствія права вообще и разныхъ его видовъ и элементовъ въ частности.

Право есть психическій факторъ общественной жизни и оно дѣйствуетъ психически. Его дѣйствіе состоитъ, во-первыхъ, въ возбужденіи или подавленіи мотивовъ къ разнымъ дѣйствіямъ и воздержаніямъ (мотивационное или импульсивное дѣйствіе права), во-вторыхъ, въ укрѣпленіи и развитіи однѣхъ склонностей и чертъ человѣческаго характера, въ ослабленіи и искорененіи другихъ,

¹⁾ «Das höchste und allein dauernde Ideal, neben welchem alles andere nur Vorstufen und Stückwerk bildet, ist schon längst klar und deutlich ausgesprochen:» «Die Liebe höret nimmer auf... Unser Wissen und unser Weissagen ist Stückwerk. Wenn aber kommen wird das Vollkommene, so wird das Stückwerk aufhören» и т. д. И дальше и раньше говорится о социальной политикѣ, о социальной враждѣ и прихиреніи, примѣняя приобрѣвшее въ послѣднее время популярное выраженіе: о человѣческой и социальной «солидарности».

вообще въ воспитаніи народной психики въ соотвѣтствующемъ характеру и содержанію дѣйствующихъ правовыхъ нормъ направленіи (педагогическое дѣйствіе права).

Сообразно съ этимъ задача политики права заключается: 1) въ рациональномъ направленіи индивидуальнаго и массоваго поведенія посредствомъ соотвѣтственной правовой мотивации, 2) въ совершенствованіи человѣческой психики, въ очищеніи ея отъ злостныхъ, антисоціальныхъ склонностей, въ насажденіи и укрѣпленіи противоположныхъ склонностей.

Дѣйствующая въ каждый данный моментъ система правовыхъ нормъ является переходящею ступенью соціального воспитанія и должна быть по мѣрѣ выполненія своей воспитательной функціи замѣнена другой системой правового импульсивнаго и педагогическаго воздѣйствія, приспособленной къ уже достигнутому уровню народной психики. Идеаломъ является достиженіе совершенно соціального характера, совершенное господство дѣйственной любви въ человѣчествѣ.

Эти правно-политическія положенія находятъ подтвержденіе въ исторіи права и съ своей стороны проливаютъ свѣтъ на исторію человѣческихъ учреждений. Основная тенденція историческаго процесса образованія и измѣненія правовыхъ учреждений и ихъ системъ заключается въ такомъ (безсознательномъ) приспособленіи системы правовой мотивации и педагогики къ данному состоянію народной психики, что путемъ психическаго воздѣйствія соотвѣтственной правовой системы индивидуальное и массовое поведеніе и развитіе народной психики направляется въ сторону общаго блага. Такъ какъ подъ вліяніемъ постояннаго психическаго воздѣйствія права (и другихъ факторовъ соціально-психической жизни, въ особенности нравственности) народный характеръ неизбѣжно измѣняется, становится лучше, приспособленнѣе въ соціальномъ отношеніи, то соотвѣтственно съ этимъ измѣняется и право, приспособляясь къ стоящей уже на болѣе высокомъ уровнѣ народной психикѣ. Такъ, позднѣйшія правовыя системы требуютъ и достигаютъ отъ гражданъ бѣльшаго въ смыслѣ соціально-разумнаго поведенія, чѣмъ предшествующія, болѣе примитивныя, системы права, и достигаютъ уже раньше требуемаго поведенія путемъ воздѣйствія на болѣе высокія стороны человѣческаго характера; поскольку же дѣло идетъ о томъ же поведеніи и той же, качественно, мотивации, напримѣръ, о дѣйствіи путемъ страха, постепенно ослабляется напряженіе соотвѣтственнаго психическаго давленія, напр., жестокость наказаній и т. д. Объясняется это тѣмъ, что позднѣйшія правовыя системы играютъ свой психическій концертъ

на лучшихъ, болѣе социальныхъ человеческихъ душахъ, чѣмъ болѣе раннія, рассчитанныя на болѣе примитивную, менѣе доброкачественную психику. Исторію человеческихъ учреждений, въ частности, напр., социально-экономическихъ организацій, только и можно понять путемъ анализа соответственныхъ правовыхъ системъ (напр., системы рабства, либерально-капиталистической системы, зачатковъ системы социализаціи народнаго хозяйства) съ точки зрѣнія ихъ мотиваціоннаго и педагогическаго значенія.

Миссія будущей науки политики права состоитъ въ сознательномъ веденіи человечества въ томъ же направленіи, въ какомъ оно двигалось пока путемъ бессознательно-эмпирическаго приспособленія, и въ соответственномъ ускореніи и улучшеніи движенія къ свѣту и великому идеалу будущаго.

Изъ предыдущаго вытекаетъ, что политика права есть психологическая наука.

Теоретическимъ базисомъ ея должно быть общее психологическое знаніе факторовъ и процессовъ мотиваціи человеческого поведения и развитія человеческого характера и специальное ученіе о природѣ и причинныхъ свойствахъ права, въ частности ученіе о правовой мотиваціи и ученіе о правовой педагогикѣ.

Основнымъ методомъ правно-политическаго мышленія является психологическая дедукція, умозаключенія на основаніи подлежащихъ психологическихъ посылокъ относительно тѣхъ психическихъ — мотиваціонныхъ и педагогическихъ — послѣдствій, которыя должны получаться въ результатѣ дѣйствія извѣстныхъ началъ и институтовъ права, или относительно тѣхъ законодательныхъ средствъ, которыя способны вызвать извѣстные желательные психическіе — мотиваціонные и педагогическіе — эффекты. Поскольку въ извѣстныхъ областяхъ и предѣлахъ наряду съ психологическою дедукціей возможно примѣненіе и индуктивнаго метода, конечно, политика права должна пользоваться и этимъ методомъ для провѣрки правильности дедуктивныхъ выводовъ (ср. *Lehre v. Einkommen II*, стран. 581 и слѣд.).

Нѣкоторыхъ другихъ вопросовъ, важныхъ для правильнаго и сознательнаго отношенія къ дѣлу возрожденія естественнаго права и социальнаго идеализма, я коснусь еще въ другой связи, въ связи съ выясненіемъ смысла ученія Штаммлера и послѣдующихъ судебъ обоихъ ученій.

II.

И съ тѣмъ, что авторъ статьи о «современномъ положеніи проблемы естественнаго права» говоритъ въ ней объ ученіи Штаммлера, невозможно согласиться.

Авторъ выступаетъ рѣшительнымъ противникомъ ученія Штаммлера на основаніи слѣдующихъ трехъ соображеній:

Во-первыхъ, «самая главная», по мнѣнію автора, идея Штаммлера въ его «извѣстномъ трудѣ *«Recht und Wirtschaft» («Wirtschaft und Recht»*, 1896 г.) — естественное право съ измѣняющимся содержаніемъ — есть идея противорѣчивая и несостоятельная. Это попытка эклектически сочетать старыя философскія воззрѣнія съ историческимъ созерцаніемъ. Но какъ всякая попытка эклектическаго характера, она не могла удовлетворить ни одну изъ сторонъ, которыя хотѣла примирить: для философовъ тутъ дается слишкомъ мало, для историковъ — слишкомъ много. Что идеальныя представленія о правѣ мѣняются съ измѣненіемъ историческихъ условій, это фактъ, не подлежащій сомнѣнію, но не мѣняется тотъ идеальный критерій, который является масштабомъ для оцѣнки прогресса въ правѣ. И если подъ естественнымъ правомъ понимать именно этотъ идеальный и безусловный критерій, то слѣдуетъ сказать, что естественное право съ измѣняющимся содержаніемъ есть *contradictio in adjecto*. Идеальный критерій съ измѣняющимся содержаніемъ это еще болѣе противорѣчивое понятіе, чѣмъ метръ съ измѣняющейся длиной или килограммъ съ измѣняющимся вѣсомъ».

Во-вторыхъ, по мнѣнію автора: «Столь же неудачной слѣдуетъ признать и основную формулу естественнаго права, которую предложилъ Штаммлеръ: *«Gemeinschaft frei wollender Menschen»*. Онъ хорошо понималъ, что проблема естественнаго права есть также и проблема общественнаго идеала. Послѣдній отдѣлъ его книги и посвящается опредѣленію общественнаго идеала, но здѣсь Штаммлеръ всецѣло остается на почвѣ субъективнаго индивидуализма, не возвышаясь и не будучи въ состояніи возвысится къ этическому понятію общества. Устанавливаемая Штаммлеромъ норма общественности имѣетъ въ виду не качественно новое проявленіе лицъ во взаимодействіи ихъ многообразныхъ индивидуальностей, а только количественное повтореніе ихъ однородныхъ притязаній. Понятіе общества тутъ въ сущности уничтожается: мысль не выходитъ изъ предѣловъ личности въ ея отвлеченной общности и самобытной законченности».

Судя по этимъ упрекамъ по адресу «основной формулы естественнаго права», предложенной Штаммлеромъ: *«Gemeinschaft frei wollender Menschen»* («общественный союзъ людей, имѣющихъ свободную волю, свободно хотящихъ»), авторъ понимаетъ эту формулу такъ, что здѣсь имѣется въ виду идеаль индивидуальной свободы, «субъективнаго индивидуализма» въ родѣ соответственныхъ формулъ и идеаловъ эпохи либерализма второй половины XVIII и

начала XIX столѣтія, Руссо, Канта и т. п. Въ другомъ своемъ сочиненіи: «Кризисъ современнаго правосознанія», 1909, проф. Новгородцевъ выражаетъ это въ болѣе непосредственной и ясной формѣ; а именно, здѣсь онъ прямо указываетъ на то, что дѣло идетъ о парафразѣ основной идеи «*Contrat social*» Руссо, перешедшей отъ Руссо къ Канту (впрочемъ, въ нѣсколько видоизмѣненномъ въ неинтересующемъ насъ здѣсь направленіи видѣ), а отъ Канта къ Штаммлеру (стр. 51 и др.).

Ниже мы увидимъ, что это принципиальное недоразумѣніе. Формула Штаммлера имѣетъ совсѣмъ иной смыслъ, можно сказать, настолько отличный отъ основной идеи Руссо (и Канта), что правильнѣе говорить о радикальной противоположности, чѣмъ о совпаденіи, о томъ, что Штаммлеръ — антиподъ, а не послѣдователь ученія Руссо и Канта. Это будетъ съ достаточною несомнѣнностью выяснено ниже, а пока я по поводу могущаго произвести неправильное впечатлѣніе упрека въ незнаніи смысла критикуемаго отмѣчу, что вина здѣсь не на сторонѣ проф. Новгородцева, а на сторонѣ Штаммлера, который своею темною и замысловатою формулировкой «*Gemeinschaft frei wollender Menschen*» и тоже довольно загадочными (для неосвѣдомленныхъ въ происхожденіи этой формулы) объясненіями къ ней вводитъ въ заблужденіе своихъ критиковъ, послѣдователей и т. д. Что касается толкованія, которое предлагаетъ проф. Новгородцевъ, то онъ здѣсь (какъ видно изъ его замѣчаній въ сочиненіи: «Кантъ и Гегель», 1901 г., стр. 152 прим.) слѣдуетъ толкованію Gerlach'a въ статьѣ: «*Kants Einfluss auf die Socialwissenschaft in ihrer neuesten Entwicklung*» (въ *Zeitschrift f. d. ges. Staatswissenschaft*. Bd. LV. 1899).

Третій упрекъ автора по адресу ученія Штаммлера состоитъ въ томъ, что въ своемъ послѣдующемъ сочиненіи: «*Die Lehre von dem richtigen Rechte*» 1902 г. Штаммлеръ отступилъ отъ идеи предыдущаго сочиненія. «Соціальный идеалъ является здѣсь въ новой формѣ: онъ, долженъ регулировать практику положительнаго права и судебного оборота. Всякое право, въ томъ числѣ и положительное, есть *Zwangsversuch zum Richtigen*. Определить принципы правильнаго правила, выведенные изъ соціальнаго идеала, — вотъ что становится теперь задачею Штаммлера. Но повернуть такимъ образомъ проблему естественнаго права, не значитъ ли замѣнить ее совершенно новой проблемой? Съ высоты абсолютнаго и вѣчнаго идеала оно вводится въ суету ежедневнаго оборота. Идея творческаго значенія естественнаго права для преобразованія законодательства замѣняется стремленіемъ къ регулированію судебной практики права. Въ этомъ замыслѣ было, несомнѣнно,

нѣчто новое, но еще болѣе было въ немъ спорнаго. И во всякомъ случаѣ, здѣсь не было того, что было обѣщано ранѣе: вмѣсто стараго естественнаго права получилась новая идея «правильнаго права», которая и осталась личнымъ достояніемъ Штаммлера».

Все эти возраженія ошибочны и покоятся на недоразумѣніяхъ фактическаго свойства, а именно, на невыясненности подлиннаго смысла ученія Штаммлера. Они находятся въ тѣсной связи съ еще однимъ недоразумѣніемъ, касающимся отношенія ученія Штаммлера къ ученію о наукѣ политики права, предложенному и обоснованному мною въ моихъ сочиненіяхъ: «Fruchtvertheilung», 1892 года и «Lehre v. Einkommen» 1893 и 1895 гг.

Дѣло въ слѣдующемъ. Въ своей «Теоріи права», т. II, стран. 476, я, упомянувъ о выставленномъ мною въ «Lehre v. Einkommen», т. II, стран. 579 лозунгѣ «возрожденія естественнаго права» («Wiedergeburt des Naturrechts») въ смыслѣ построенія науки политики права на почвѣ научнаго психологическаго изученія причинныхъ свойствъ права, его мотиваціоннаго и культурно-воспитательнаго причиннаго дѣйствія, затѣмъ указываю, что «идея политики права, первоначально встрѣченная скептически, какъ «возвращеніе къ заблужденіямъ естественнаго права», стала постепенно пріобрѣтать сторонниковъ въ сферѣ правовѣдѣнія», и въ примѣчаніи называю рядъ авторовъ, въ томъ числѣ Штаммлера. По этому поводу профессоръ Новгородцевъ рѣшительно утверждаетъ, что дѣло идетъ о «недоразумѣніи», что ученіе Штаммлера совершенно независимо отъ моего ученія, что «ни о какомъ заимствованіи или вліяніи тутъ не можетъ быть и рѣчи» (стран. 22, прим.).

Замѣчанія этого рода дѣлаются въ русской литературѣ не впервые. Напротивъ, они сдѣлались своего рода edictum tralaticium. Указывается, особенно съ неокантіанской стороны, что ученіе Штаммлера, его формула «Gemeinschaft frei wollender Menschen» и т. д., относится къ совсѣмъ другому, кантіанскому, міровоззрѣнію, ничего общаго съ моимъ ученіемъ не имѣетъ и т. д. Мало того, въ литературѣ имѣются и такія указанія, изъ которыхъ можно вывести, что ученіе «Lehre v. Einkommen» возникло подъ вліяніемъ Штаммлера, а не обратно. Имѣются даже и такія указанія, въ которыхъ соединяются оба тезиса, которыя начинаются съ намека: «Все построеніе г. Петражицкаго въ извѣстной степени напоминаетъ ученіе другого теоретика — Штаммлера» и кончаются утвержденіями, долженствующими показать, что ученіе Штаммлера не имѣетъ ничего общаго съ моимъ, такъ что не можетъ быть рѣчи о заимствованіи со стороны Штаммлера (!). Мое ученіе похоже на ученіе Штаммлера, но ученіе Штаммлера не похоже на мое.

Полагая, что для всякаго серьёзно интересующагося дѣломъ и способнаго понимать и судить не трудно убѣдиться въ дѣйствительномъ положеніи дѣла путемъ сличенія хотя бы того, что говорится въ программныхъ приложеніяхъ къ 1-му и 2-му томамъ «Lehre v. Einkommen», съ тѣмъ, что говоритъ Штаммлеръ въ своемъ ученіи о «Хозяйствѣ и правѣ», я не считалъ до сихъ поръ необходимымъ выступать съ особыми разъясненіями и полемикою по этому поводу. Но замѣчанія проф. Новгородцева въ его статьѣ показываютъ, что я ошибался, и что требуются и умѣстны соотвѣтственные разъясненія.

Я ихъ теперь считаю тѣмъ болѣе умѣстнымъ доставить въ данной связи, что дѣло идетъ не только о выясненіи отношенія подлежащихъ двухъ ученій, но и о выясненіи тѣмъ самымъ подлиннаго смысла ученія Штаммлера, совершенно неправильно понимаемаго и оказывающаго въ такомъ неправильно понятомъ видѣ вредное, вмѣсто возможнаго полезнаго, вліяніе.

Такъ какъ я считаю дѣло присвоенія чужихъ идей и чужого пріоритета весьма низкимъ и постыднымъ дѣломъ и такимъ образомъ здѣсь весьма серьёзно затронута личная честь и доброе имя, то я, прежде всего, позволю себѣ сообщить по адресу протестующихъ отъ имени Штаммлера противъ моихъ указаній относительно вліянія «Lehre v. Einkommen» на ученіе Штаммлера, и тѣмъ самымъ упрекающихъ меня въ неправильномъ присвоеніи научнаго пріоритета нѣкоторыя данныя относительно того, что думаетъ самъ Штаммлеръ по этому поводу, разумѣется, только тѣ данныя, которыя имѣются въ документальной формѣ. Прежде всего, съ разрѣшенія проф. М. Я. Пергамента привожу слѣдующее его сообщеніе въ письмѣ ко мнѣ, помогающее вмѣстѣ съ тѣмъ уяснить отношеніе Штаммлера въ его печатныхъ трудахъ къ ученію «Lehre v. Einkommen»: «Все забываю рассказать Вамъ, что я много бесѣдовалъ о Вашихъ идеяхъ съ Штаммлеромъ въ Галле. Онъ изъ Вашихъ серьёзныхъ поклонниковъ; за Терингомъ, между прочимъ, не хочетъ признать ничего, идя въ этомъ направленіи чуть ли не дальше Васъ. Небезынтересно, что онъ въ послѣднее время работаетъ надъ книгой, которая имѣетъ появиться въ свѣтъ чрезъ мѣсяцевъ 6—8 и должна содержать твердые и точные принципы или законы для Вашей Civilpolitik, такіе, молю, что въ поискахъ за должной нормой сбиться съ пути уже нельзя будетъ. Каковы они, мнѣ, разумѣется, сообщено не было».

Не въ смыслѣ подтвержденія правильности этого сообщенія, за достовѣрность котораго болѣе чѣмъ достаточно ручается имя автора письма, а только въ смыслѣ указанія для лучшаго

пониманія дальнѣйшаго, здѣсь же можно упомянуть, что Штаммлеръ въ концѣ своей книги о хозяйствѣ и правѣ намекаетъ, что, излагая тѣ или другія идеи въ своей книгѣ, онъ по отношенію къ кое-кому не сказалъ чего-либо новаго; но дѣло не въ идеяхъ, какъ-таковыхъ, и ихъ новизнѣ, а въ ихъ твердомъ и прочномъ научномъ обоснованіи и правильной научной формулировкѣ, которыя, стало-быть, раньше еще не были доставлены.

«Можетъ быть и вообще въ результатѣ, по крайней мѣрѣ въ области той или другой мысли, по отношенію къ кое-кому я не высказалъ чего-либо вполне новаго. И какъ возможно иначе, разъ обсуждаемая тема у всѣхъ на виду и постоянно подвергается оживленному обсужденію, точно такъ же, какъ разстилающаяся предъ нашими глазами природа? Но доставленіе ясныхъ и отчетливыхъ результатовъ въ способѣ проникновенія въ связи и зависимости, въ достовѣрности доказательствъ, въ ясномъ познаніи предмета познанія — въ этомъ заключается задача научнаго изслѣдованія. Даже въ томъ случаѣ, если бы извѣстный результатъ кѣмъ-либо уже предчувствовался, ощущался (*empfunden*) или былъ принятъ безъ доказательства, то для научнаго изслѣдованія остается цѣль доставляющаго ясность и укрѣпленность обоснованія» (стр. 638) ¹⁾.

Затѣмъ, въ слѣдующемъ своемъ сочиненіи, появившемся въ слѣдующемъ году послѣ изданія «*Wirtschaft und Recht*»: «*Das Recht der Schuldverhältnisse in seinen allgemeinen Lehren*», 1897, Штамлеръ, сообщивъ кратко свои идеи относительно нахожденія правильного права (относительно политики права, см. ниже), подробно изложенныя въ «*Wirtschaft und Recht*», указалъ слѣдующее:

«Петражицкій, предлагая проектъ науки «цивильной политики» (политики частнаго права), вполне послѣдовательно пришелъ къ сходнымъ идеямъ и постановкѣ проблемы. Онъ выставляетъ въ качествѣ критерія и цѣли для правопорядка состояніе любви сочленовъ правового общенія другъ къ другу (*den Zustand der Liebe der Rechtsgenossen zu einander auf*)²⁾.

¹⁾ На могущій возникнуть по этому поводу вопросъ, почему авторъ въ такомъ случаѣ довольствуется такими намеками, не указывая, чьи идеи онъ имѣетъ въ виду и въ чемъ состоятъ недостатки ихъ обоснованія, формулировки и т. д., въ концѣ книги отвѣта нѣтъ. Но уже во введеніи напередъ сообщается, что «полнота въ литературномъ отношеніи въ этомъ сочиненіи не имѣется въ виду, и мы пока (*für jetzt*) не имѣемъ намѣренія составлять объемистаго указателя относительно книгъ и сочиненій по соціальной наукѣ» (стр. 24).

Впослѣдствіи, какъ увидимъ тотчасъ, авторъ отчасти восполнилъ особенно поразительный пробѣлъ въ области литературныхъ указаній.

²⁾ «*Petrażycki, Die Lehre vom Einkommen, 2 Bde. (1893), 95. Укажу особенно на слѣдующія мѣста: Bd. 2, S. 475 ff., 506 ff.*»

Эта постановка вопроса о такой формальной конечной цѣли была правильна, и такое рѣзкое нападеніе, которое по этому поводу сдѣлалъ на него Зомъ, не было заслужено¹⁾. Ибо

¹⁾ «Sohm, Ueber den Entwurf einer Bürg. GBs. (1896) S. 25 ff».

Изслѣдованіе «Lehre v. Einkommen», предлагая основаніе и разработку особой науки политики права съ особыми (психологическими) посылками, особымъ методомъ, особыми задачами, отличными отъ посылокъ, методовъ, задачъ существующаго, практически-догматическаго, правовѣдѣнія, содержало въ себѣ научную разработку и пропаганду подлежащихъ идей, между прочимъ, и въ формѣ доказательства негодности традиціонныхъ точекъ зрѣнія и пріемовъ обсужденія, установившихся въ догматической юриспруденціи и примѣнявшихся, психологически естественно, за отсутствіемъ науки политики права и соотвѣтственной школы мышленія, и при выработкѣ и обсужденіи проекта новаго германскаго гражданскаго уложенія,— для рѣшенія вопросовъ законодательной политики: негодности судейской, ретроспективной, точки зрѣнія обсужденія представляемыхъ, какъ совершившіеся, фактовъ вмѣсто надлежащей законодательной, проспективной точки зрѣнія, предвидящей на основаніи психологическихъ посылокъ, негодности точки зрѣнія частныхъ карманныхъ интересовъ кредиторовъ, собственниковъ и т. д. и ихъ процессуальной защиты и необходимости замѣнить ее народно-хозяйственною и социальнo-педагогическою точками зрѣнія и т. д. Средствомъ для уясненія и доказательства правильности подлежащихъ положеній была избрана критика продуктовъ традиціонныхъ точекъ зрѣнія и привычекъ мышленія — положеній проекта германскаго гражданскаго уложенія и доказательство наличности въ нихъ множества соотвѣтственныхъ правно-политическихъ ошибокъ. Особенно содержаніе второго тома, обоснованность и ясная правильность подлежащихъ правно-политическихъ указаній (признанныя согласно всеми, не исключая и Зомы) и т. д., вызвало, какъ, между прочимъ, сообщаетъ Leonhard, «Die Vollendung des Deutschen bürgerl. Gesetzbuches», 1897, стран. 7 «нѣкоторую сенсацию» и даже (совершенно неосновательныя, конечно) опасенія, что распространеніе подлежащихъ идей и ихъ вліяніе можетъ повредить дѣлу правового объединенія Германіи путемъ замѣны прежнихъ партикулярныхъ правъ разныхъ германскихъ государствъ подготовленнымъ единымъ кодексомъ (такъ что даже была принята нѣкоторыя особая мѣры, о чемъ можно, между прочимъ, догадаться и не знающему фактовъ по симптомамъ, напр., путемъ сравненія количества рецензій и иныхъ печатныхъ отзывовъ о 1-мъ и 2-мъ томѣ Lehre v. Einkommen).

Весьма выдающійся и авторитетный юристъ, проф. Зомъ, назначенный императоромъ Вильгельмомъ II представителемъ союзнаго германскаго правительства для защиты проекта въ рейхстагѣ, выступилъ въ защиту проекта въ цитированной Штаммлеромъ брошюрѣ, содержащей дѣйствительно весьма рѣзкое нападеніе не только на мою книгу, но и на автора лично за яко бы проявленное неуваженіе къ нѣмецкой наукѣ и т. д. Это, считаю умѣстнымъ подчеркнуть, совершенно неосновательное подозрѣніе и обвиненіе. Я—благодарный ученикъ и искренній поклонникъ нѣмецкой науки, болѣе радовался въ свое время печатному признанію «правъ гражданства и мастерства» въ средѣ этой науки, чѣмъ другимъ, не менѣе или болѣе лестнымъ отзывамъ въ печати, и до сихъ поръ чувствую себя подлежащимъ «гражданиномъ»; и если тогда и въ послѣдующихъ своихъ сочиненіяхъ избиралъ и избираю предметомъ критики при проведеніи такихъ или иныхъ кажущихся мнѣ болѣе правильными идей главнымъ образомъ и преимущественно нѣмецкія сочиненія и ученія, то это объясняется не неуваженіемъ, а какъ разъ наоборотъ (что, въ свою очередь, впрочемъ, не означаетъ неуваженія къ другимъ наукамъ, французской, англійской и т. д., если вообще можно въ столь великомъ общечеловѣческомъ дѣлѣ, какъ наука, дѣлать такія сопоставленія и различенія). Разумѣется, не было у меня и никакихъ злыхъ умысловъ и противъ прекраснаго дѣла — правового объединенія. Напротивъ, было искреннее желаніе внести хоть скромную лепту въ подлежащее дѣло въ видѣ устраненія хоть нѣкоторыхъ недостатковъ въ точкахъ зрѣнія

если послѣдній ученый (Зомъ) противопоставляетъ ученію перваго въ качествѣ задачи права «только установленіе требуемыхъ справедливостью границъ осуществленія эгоизма», — то спрашивается, что онъ разумѣетъ подъ справедливостью, какъ масштабомъ для оцѣнки содержанія права. И такъ какъ Зомъ этого нигдѣ не указываетъ, то его соображенія не представляютъ никакого улучшенія совершенно правильнаго въ постановкѣ проблемы хода идей Петражицкаго.

Но, съ другой стороны, я полагаю, что предложенная Петражицкимъ формула еще не представляетъ достаточнаго фундамента. Ибо «любовь» означаетъ сама по себѣ одно стороннее влеченіе преданности другому; и это субъективное влеченіе, какъ таковое, еще не можетъ доставлять безусловнаго масштаба и руководящей идеи для соціальной жизни. Таковымъ можно признать лишь разумную любовь¹⁾: не всякую личную привязанность, самое по себѣ, а разумно обоснованную любовь, принимаемую съ обѣихъ сторонъ взаимно. И при томъ «любовь» въ этой связи слѣдуетъ понимать не въ качествѣ дѣйствительно являющагося ощущенія (*Empfindung*) отдѣльнаго человѣка²⁾, какового психологическаго эффекта законодатель совсѣмъ не можетъ вызвать, а въ качествѣ идеи солидарной (гармонической) совмѣстной жизни. Конечную цѣлью права и государства является, слѣдовательно, общественный союзъ людей, имѣющихъ свободную волю; — «свободную» не въ смыслѣ безусловной причинности, нѣтъ, свободную отъ субъективнаго эгоизма!»

Таково аутентическое толкованіе Штамmlера его знаменитой, толкуемой неудачно на разные лады формулы «*Gemeinschaft freiwollender Menschen*». Это не что иное, какъ выставленная еще

дальнѣйшаго, въ послѣднихъ стадіяхъ, обсужденія и ошибокъ будущаго кодекса по существу, каковая цѣль и была въ извѣстной степени достигнута. Съ другой стороны, считаю правильнымъ признать, что рѣзкое нападеніе Зома не только было понятно по обстоятельствамъ дѣла, но и въ извѣстной степени справедливо. Въ пылу юношескаго идейнаго увлеченія и воодушевленія авторъ *Lehre v. Einkommen* дошелъ до такихъ рѣзкихъ отзывовъ и характеристикъ (какъ, напр., характеристики проекта, какъ «хрестоматіи цивильно-политическихъ ошибокъ»), которые мнѣ теперь самому, при спокойно-объективномъ отношеніи къ дѣлу, представляются очень преувеличенными и несправедливыми и вполне заслуживающими «строжайшаго выговора».

¹⁾ «Поэтому и любить слѣдуетъ умѣть, понимать!» — изреченіе Леопольда Шеффера. Ср. *Woltmann, Kritische, und genetische Begründung der Ethik* (1896) S. 30».

²⁾ «Такъ именно полагаетъ Петражицкій. Особенно характерны его разсужденія во 2-мъ томѣ на стран. 545».

въ 1893 году въ «Lehre von Einkommen» въ качествѣ идеала политики права, идея любви, но въ надлежаще исправленномъ, по мнѣнію автора, видѣ.

Относительно совпаденія другихъ элементовъ ученія «L. v. E.» и ученія Штаммлера — ниже. А пока по поводу предлагаемыхъ Штаммлеромъ исправленій необходимо, для устраненія фактическихъ недоразумѣній, отмѣтить слѣдующее:

1) Штаммлеръ настаиваетъ, прежде всего, какъ на существенномъ исправленіи, на идеѣ разумности подлежащей любви. Если бы у меня по этому вопросу ничего не говорилось въ «Lehre v. Einkommen», то все-таки, когда рѣчь идетъ объ идеалѣ воспитанія и будущей соціальной жизни, настаивать на томъ, что имѣется въ виду разумное, а не глупое и нерезонное поведеніе, да еще приводить въ пользу столь тривіальнаго положенія научные авторитеты, было бы по меньшей мѣрѣ лишне. Но положеніе существенно ухудшается тѣмъ обстоятельствомъ, что у меня въ «Lehre v. Einkommen», т. II, прямо говорится о разумности подлежащей любви, и даже въ такой формѣ, что подлежащія выраженія слѣдуетъ признать слишкомъ далеко идущими, грѣшащими въ направленіи, прямо противоположномъ тому, о которомъ говорить Штаммлеръ. Такъ, на стран. 468 я въ свое время говорилъ: «...Wirkung der Liebe und Vernunft (genauer der Liebe, welche, von anderer Seite betrachtet, Vernunft ist, oder der Vernunft, welche Liebe ist)», («любви и разума — точнѣе: любви, которая, рассматриваемая съ другой стороны, есть разумъ, или разумъ, который есть любовь»). Теперь, какъ я уже упомянулъ, я считаю такую формулировку неудачною и уже бы такъ писать не сталъ, и вообще бы не припутывалъ вопросовъ, касающихся интеллекта, къ вопросамъ характера (эмоціональной психики). Но, во всякомъ случаѣ, предлагаемое Штаммлеромъ исправленіе, состоящее въ добавленіи идеи разумности, есть лишь мнимое улучшеніе, представляетъ не улучшеніе, а не соответствующее дѣйствительности изображеніе моего ученія.

2) То же относится и ко второму исправленію, предлагаемому Штаммлеромъ, а именно, къ моменту взаимности любви вмѣсто якобы имѣющагося въ моемъ ученіи момента односторонности. Само собою разумѣется, въ «Lehre v. Einkommen» рѣчь идетъ не о томъ, чтобы «законодатель» внушалъ одной сторонѣ любовь, а другую сторону оставлялъ коснѣть въ эгоизмѣ и этимъ подводилъ первую подъ эксплуатацію со стороны второй; это была бы вообще нелѣпая идея; дѣло у меня идетъ о воспитаніи съ помощью права (и другихъ факторовъ) не какой-то цивилистической «стороны» и

при томъ одной изъ сторонъ, а народныхъ массъ и человѣчества вообще въ направленіи постепенной общей социализаціи психики, общечеловѣческой солидарности, способности и готовности служить общему дѣлу безъ особыхъ каръ и наградъ и т. д. Между прочимъ, уже изъ того, что нѣсколькими строчками раньше самъ Штамлеръ сообщаетъ о содержаніи моего ученія («Онъ выставляетъ въ качествѣ критерія и цѣли для правопорядка состояніе любви сочленовъ правового общенія между собою», «zu einander») можно усмотрѣть, что слѣдующее затѣмъ исправленіе моего ученія въ направленіи добавленія взаимности не имѣетъ никакой серіозной почвы и только бросаетъ не соотвѣтствующій дѣйствительности свѣтъ на мое ученіе.

3) Третій упрекъ по адресу моего ученія и поводъ для исправленія состоитъ въ томъ, что будто бы по моему ученію дѣло идетъ о вызовѣ со стороны законодателя любви «въ качествѣ дѣйствительно появляющагося ощущенія (*Empfindung*) отдѣльнаго чловѣка, какового психологическаго эффекта законодатель совсѣмъ не можетъ вызвать» и т. д. И въ подтвержденіе такихъ наивныхъ представленій съ моей стороны критикъ ссылается на стран. 545 II тома «L. v. E.».

Но, какъ всякому не трудно убѣдиться, прочитавъ соотвѣтственную страницу «L. v. E.», тамъ не только нѣтъ того, что мнѣ приписываетъ Штамлеръ, но и нельзя, даже при желаніи тенденціозно толковать, произвольно, съ натяжкой, приписать что-либо подобное, потому что тамъ идетъ рѣчь о совсѣмъ другомъ, никакого отношенія къ данному не имѣющемъ, вопросу.

Тамъ я по поводу проявившейся въ новое время, на почвѣ совсѣмъ неправильнаго, съ моей точки зрѣнія, пониманія функций уголовнаго права тенденціи борьбы противъ слишкомъ большой мягкости и гуманности уголовнаго права, отстаиванія бѣльшей строгости наказаній, смертной казни и проч., обосновываю общепсихологическій тезисъ, состоящій въ томъ, что при наличности почвы для разныхъ мотивовъ въ пользу одного и того же поведенія происходитъ не традиціонно предполагаемое непремѣнное сложеніе разныхъ давленій въ пользу одного и того же поведенія, а, напротивъ, вытѣсненіе и подавленіе менѣе волнующихъ болѣе сильными и волнующими мотивами. Изъ этого психологическаго тезиса я вывожу слѣдующій правно-политическій тезисъ:

«Отсюда вытекаетъ слѣдующая теорема для политики государственнаго права, гражданской политики и т. д.: Оперированіе на градами и наказаніями, вообще играніе на эгоистическихъ струнахъ человѣческаго характера оказываетъ прямо злокачественное и

деморализующее вліяніе на тѣхъ индивидовъ и тѣ категоріи людей, отъ которыхъ соотвѣтственнаго поведенія можно было бы ожидать и безъ привлеченія эгоизма или безъ столь сильнаго приведенія въ дѣйствіе эгонстическихъ мотивовъ (слишкомъ большая величина наказанія или награды), потому что ведетъ къ господству въ психикѣ эгонстическихъ мотивовъ и помѣхъ дѣйствию и укрѣпленію болѣе высокихъ мотивовъ.

Если, стало-быть, изъ теоріи устрашенія вполне послѣдовательно вытекаетъ тенденція повышенія жестокости наказаній, то это происходитъ... (вслѣдствіе непониманія психологическаго существа дѣла).

Единственнымъ поводомъ для привлеченія стран. 545 «L. v. E.» въ качествѣ подтвержденія для приписанія мнѣ подлежащаго несообразнаго ученія можетъ служить развѣ то, что въ приводимыхъ тамъ житейскихъ примѣрахъ встрѣчается слово любовь: «Любимый отецъ боленъ и дѣти боятся его смерти» и т. д.

По существу же, повторяю, изложеніе стран. 545 никакого подтвержденія выставленнаго Штаммлеромъ тезиса, существенно искажающаго мое ученіе, не содержитъ. Мало того, изложеніе стран. 545, какъ и прочія части моего изложенія, являются иллюстраціей того, какъ далеко это ученіе отъ наивной идеи внушенія со стороны законодателя отдѣльному человѣку «ощущенія» любви (подъ любовью я, разумѣется, понимаю не какое-то «ощущеніе», что съ научно-психологической точки зрѣнія представляло бы смѣшеніе совершенно разнородныхъ понятій, а особый сложный идеально-соціальный характеръ — наличность множества соотвѣтственныхъ каритативныхъ эмоціональных диспозицій и отсутствіе множества другихъ, злостныхъ и эгонстическихъ, диспозицій). Изъ соображеній на стран. 545 и другихъ видно, что дѣло идетъ о весьма сложномъ и трудномъ, предполагающемъ разработку соотвѣтственнаго научно-психологическаго базиса, дѣлѣ раціональной соціальной педагогики, о сложной системѣ мѣръ косвенныхъ воздѣйствій — не на «отдѣльнаго человѣка», конечно, ибо право имѣетъ дѣло съ массами, а не съ какимъ-то отдѣльнымъ человѣкомъ, — на массовую психику для того, чтобы культура, цивилизація этой психики шла нормально и удачно. Въ разсужденіяхъ же на страницѣ 545 и предыд. и послѣд. дѣло идетъ даже не о положительномъ внушеніи чего-либо кому-либо, а объ умѣнши не портить, по крайней мѣрѣ, народнаго характера и его развитія лишними жестокостями, грубою и примитивною уголовною политикою и т. д.

У незнакомаго съ дѣломъ можетъ, особенно въ виду указанной мною явной неправдивости упрека и ссылки на стран. 545 «L. v. E.»,

возникнуть недоразумѣніе, состоящее въ томъ, что Штаммлеръ, можетъ быть, думаетъ другое, что онъ вообще отрицаетъ задачу правовой педагогики и постепеннаго приближенія къ идеалу «общества свободно хотящихъ людей» въ смыслѣ свободы отъ эгоизма, любви и ссылается на стран. 545 потому, что все-таки тамъ говорится о психологической истинѣ, важной для рациональной правовой педагогики. Но это было бы недоразумѣніемъ. Какъ увидимъ ниже, Штаммлеръ вполне присоединился уже въ *Wirtschaft und Recht* и въ послѣдующихъ сочиненіяхъ къ идеѣ воспитанія съ помощью права, въ частности воспитанія «правильной», «свободной» (отъ эгоизма) воли и утилизировалъ эту идею въ разныхъ формахъ и направленіяхъ. Да иначе онъ не могъ сдѣлать, присоединившись къ идеалу любви, какъ конечной цѣли (*Endzweck*) права и политики. Въ противномъ случаѣ все построеніе подлежащаго соціального идеализма превратилось бы въ нѣчто противорѣчивое и нелѣпое, въ постановку для права и политики завѣдомо и сознательно невозможной задачи, въ рекомендацію законодателю идеала «общества свободно хотящихъ людей», т.-е. идеала любви, съ одновременнымъ указаніемъ, что оказывать воздѣйствія въ соответственномъ направленіи для законодателя невозможно.

Такимъ образомъ конструированныя Штаммлеромъ, яко бы необходимыя, исправленія моего ученія и выставляемые имъ элементы оригинальности его ученія о соціальномъ идеалѣ фиктивны и должны быть для приведенія дѣла въ соответствіе съ дѣйствительностью вычеркнуты, какъ лишнія осложненія и затемнѣнія, научнаго значенія и научной цѣли не имѣющія.

Въ «*Wirtschaft und Recht*», въ отличіе отъ «*Recht d. Schuldv.*», Штаммлеръ не считаетъ нужнымъ или возможнымъ излагать дѣло просто и ясно, называть вещи своими именами и т. д. Здѣсь идея любви вводится и, по обыкновенію Штаммлера, множество разъ повторяется въ разныхъ формахъ, оборотахъ рѣчи и контекстахъ — въ болѣе темномъ, замысловатомъ и для непосвященныхъ и менѣе вдумчивыхъ трудно понятномъ видѣ, съ помощью разныхъ обходныхъ искусственныхъ выраженій и формулировокъ и т. д. вмѣсто выраженій: свобода отъ эгоизма, любовь, альтруизмъ, солидарность и т. д. придумана авторомъ и примѣняется цѣлая коллекція словесныхъ суррогатовъ, обходныхъ выраженій, искусственныхъ, темныхъ и требующихъ для пониманія ихъ смысла сопоставленій разныхъ частей изложенія. Лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изложенія сквозь туманъ подлежащихъ искусственныхъ и обходныхъ выраженій просвѣчиваетъ и для непосвященныхъ въ подлежащія

тайны истинный смысл его учения, могущий быть выраженным просто и ясно словомъ «любовь» или альтруизмъ, солидарность или т. п., съ добавленіемъ, если угодно, «взаимности», «разумности» и т. д.

Такъ, на стран. 581 находимъ слѣдующее, относительно болѣе ясное раскрытіе смысла идеи «общественнаго союза свободно хотящихъ людей»: «Это идея совмѣстной жизни людей подъ внѣшними правилами¹⁾, по которымъ всѣ они преслѣдуютъ объективно управомоченныя цѣли, общественнаго союза, въ которомъ каждый относится къ ближнему (*dem Nächsten gegenüber*) въ духѣ закономѣрной воли; идея совмѣстной направленной на удовлетвореніе человѣческихъ потребностей дѣятельности (*Zusammenwirkens*), въ нормированной сферѣ которой одинъ признаетъ объективно обоснованныя цѣли другого, какъ свои цѣли и желаетъ ихъ достиженія. Едва ли найдется другой примѣръ, который можетъ такъ превосходно иллюстрировать непосредственное практическое значеніе этого принципа, какъ общая борьба за отечество противъ угрожающаго врага. Здѣсь и самому тупому пониманію должно стать яснымъ, какъ всякій только субъективный частный интересъ долженъ отойти на задній планъ, какъ каждый долженъ отстаивать вмѣстѣ управомоченную цѣль другого, и какъ только такое регулированіе общей борьбы является правильнымъ, которое направлено на то, чтобы одинъ стоялъ за всѣхъ и всѣ за одного. И такимъ образомъ это истина, что война имѣетъ также свою честь; ибо она заставляетъ внутренне распадающееся въ направленіи эгоизма государственное общеніе подниматься до высоты идеи союза свободно хотящихъ людей, которые находятся другъ къ другу въ отношеніи предметно (*Gegenständlich*, объективно) обоснованныхъ цѣлей и ихъ преслѣдованія, — и должны были бы такъ затѣмъ поступать и въ другихъ областяхъ борьбы за существованіе. Какъ этого слѣдуетъ достигать, объ этомъ дальше будетъ сказано»... (Дальше говорится о независимости правильныхъ «соціальныхъ мѣръ», т. е. законодательныхъ, правовыхъ мѣропріятій отъ того, что субъективно желательно или нежелательно, пріятно или непріятно отдѣльнымъ гражданамъ, отвергается неодобреніе съ этой точки зрѣнія общей воинской повинности и т. п., и затѣмъ, на той же страницѣ, авторъ продолжаетъ:) «Изъ предыдущаго вытекаетъ то важное послѣдствіе, что соціальный порядокъ» (=право) «отнюдь не имѣетъ права ждать случайнаго появленія той или иной потребности» (сознанія потребностей, цѣлей), «что онъ,

¹⁾ Слѣдуетъ разумѣть: подъ господствомъ общихъ нормъ права.

напротивъ, долженъ вызывать сознательно-цѣлесообразно такія потребности и путемъ воспитанія и образованія дѣйствовать въ томъ направленіи, чтобы отдѣльные люди были въ возможно болѣе сильной степени и хорошо приведены въ состояніе дѣйствовать въ области осуществленія возникающихъ у нихъ цѣлей и въ области соотвѣтственнаго необходимаго выбора и рѣшеній въ духѣ объективной правильности».

Здѣсь указаніе такого отношенія къ ближнимъ, что ихъ разумныя цѣли усваиваются какъ наши цѣли, т.-е. альтруистическаго радѣнія о цѣляхъ ближнихъ, какъ о своихъ собственныхъ, примѣръ военной солидарности, какъ отказа отъ эгоизма и солидарной борьбы съ другими и за другихъ, указаніе необходимости такого же поднятія до высоты идеи «общественнаго союза свободно хотящихъ людей» въ другихъ, не только военныхъ, областяхъ совмѣстной жизни и необходимости правового воспитанія гражданъ въ этомъ духѣ и направленіи — даютъ болѣе ясныя указанія относительно смысла ученія Штаммлера, чѣмъ многочисленныя другія части его изложенія, повторяющія то же, но въ разныхъ, болѣе замысловатыхъ обходныхъ выраженіяхъ¹⁾.

Изъ этого же мѣста изложенія, какъ и изъ другихъ и въ особенности изъ сличенія и сопоставленія разныхъ мѣстъ, видно, что, напр., выраженія «объективно управомоченныя цѣли» = (разумно) альтруистическія цѣли, въ отличіе отъ эгоистическихъ, выраженія: «закономѣрная воля» = «правильная воля» = «свободная воля» = разумно-альтруистическая, свободная отъ эгоизма воля; «субъективный» въ выраженіяхъ «только субъективный интересъ», «субъективное желаніе», «субъективная значимость» и т. п. = эгоистическій; «предметный» («gegenständlich»), «объективный» и т. п. = альтруистическій, солидарный, соотвѣтствующій разумной любви и т. д.

Въ суммѣ можно сказать, что при внимательномъ и вдумчивомъ чтеніи, сопоставленіи разныхъ мѣстъ, запоминаніи смысла темныхъ выраженій по мѣстамъ проясненія ихъ смысла и т. д. можно было бы установить съ несомнѣнностью подлинный смыслъ знаменитой формулы: «Gemeinschaft frei wollender Menschen» и вообще «соціального идеализма» Штаммлера и не зная его, предназначеннаго для узкаго круга спеціалистовъ-цивилистовъ, аутентическаго

¹⁾ Ср., впрочемъ, стран. 574: «Отличіе правильныхъ и закономѣрныхъ рѣшеній отъ эгоистическихъ и только субъективно значимыхъ...», стран. 574: «направленіе эмпирическихъ цѣлей, могущее являться общезначимымъ, абстрагирующее отъ субъективныхъ стремленій», тамъ же: «это идея общественнаго союза, въ которомъ каждый дѣлаетъ своими объективно управомоченныя цѣли другого» и т. д.

разрѣшенія подлежащей загадки путемъ указанія на идеаль любви (разумной, взаимной и проч.), свободы отъ эгоизма. Но, съ другой стороны, психологически понятно и появленіе, со стороны неосвѣдомленныхъ въ положеніи дѣла, разныхъ недоразумѣній относительно смысла знаменитой формулы, въ частности на почвѣ буквального толкованія формулы, говорящей о «свободѣ», пониманія ея въ смыслѣ идеи свободы, идеала либерализма въ духѣ Канта и т. д., тѣмъ болѣе, что Штамmlеръ подлежащую идею, какъ и другія совсѣмъ не кантіанскія идеи *W. und R.*, переводѣлъ въ кантіанскіе костюмы, примѣняя на каждомъ шагу излюбленные неокантіанскія выраженія, построенія фразъ и проч.

И такимъ образомъ Штамmlеръ, не безъ вины съ своей стороны, попалъ въ эпитоны Руссо въ качествѣ идейнаго внука чрезъ отца — Канта.

Habent sua fata libelli!

Въ основѣ ученій эпохи либерализма (экономическаго и политическаго) лежала безсознательно-цѣлесообразная и съ исторически-эволюціонной точки зрѣнія вполне естественная и необходимая (въ случаѣ знанія законовъ развитія права, въ томъ числѣ интуитивнаго права и соотвѣтственныхъ политическихъ идей, могшая быть предвидѣнною дедуктивно для тогдашней стадіи культуры человѣческой психики) тенденція передвиженія системы соціально-правовой мотиваціи съ прежнихъ болѣе примитивныхъ мотиваціонныхъ мѣръ и мотивовъ, начальственнопекунскихъ давленій, грозно-деспотическаго режима, покорности и страха и т. д. — на мотивы собственныхъ интересовъ гражданъ, — тенденція предоставленія людямъ, настолько культурно дозрѣвшимъ, что они могли сами вести свои дѣла, безъ начальственныхъ понуканій и опеки, сообразуясь съ собственной выгодною, простора и свободы для дѣйствія подлежащей мотиваціи и использованія подлежащихъ элементовъ человѣческой психики и мотивовъ въ качествѣ пружинъ для соціальной, экономической и политической организаціи и соціально-полезной дѣятельности¹⁾.

Съ этой точки зрѣнія — приспособленія системы соціально-правовой мотиваціи къ эволюціи человѣческой психики, къ уровню ея воспитанія, культуры — получается свѣтъ и пониманіе какъ въ области ученій экономическаго либерализма (физиократы, Адамъ Смитъ и его школа, Кэри, Бастіа и т. д.), такъ и въ области политическаго либерализма.

И для пониманія Руссо (тоже, между прочимъ, толкуемаго вкривъ и вкось) надо принимать во вниманіе ту же точку зрѣнія и имѣть

¹⁾ Ср. «Теорію права», II т., § 49, стран. 683 и сл., § 51.

въ виду, что смыслъ его политическаго ученія сводится въ построенію государства на почвѣ эгоизма, на почвѣ «естественной», по его убѣжденію, составляющей природу человѣка, «любви къ самому себѣ» или на естественномъ и неизбѣжномъ «предпочтеніи со стороны каждаго себя самого другимъ». Его въ своемъ родѣ остроумный (хотя и съ дефектомъ) политическій рецептъ состоитъ въ томъ, чтобы законы создавались общею волею и притомъ имѣли общее содержаніе, т.-е. постановляли одно и то же для всѣхъ гражданъ. Такъ какъ каждый себѣ желаетъ добра и никоимъ образомъ себя не обидитъ, не причинитъ себѣ несправедливости, то такіе законы, въ вотированіи коихъ участвуютъ всѣ и которые постановляютъ одно и то же для всѣхъ, т.-е. каждый вотируетъ для себя же, не могутъ быть несправедливы, противны благу гражданъ и т. д. Такъ какъ каждый предпочитаетъ свое добро чужому, то недопустимо народное представительство (ибо оно рѣшаетъ для другихъ, стало-быть въ свою пользу насчетъ другихъ), недопустимо предоставленіе какой-либо самостоятельной власти правительству (по тому же основанію) и т. д. и т. д.

Изобрѣтена формула для неуклоннаго осуществленія «перваго закона» природы человѣческой и основнаго естественнаго права человѣка — заботиться о самомъ себѣ и созданъ полный просторъ для свободы — эгоизма.

Сходство между Руссо и Штаммлеромъ состоитъ въ томъ, что оба говорятъ о свободѣ, но есть и существенная разница, состоящая въ томъ, что Руссо, какъ и другіе представители подобныхъ же ученій, стремится къ свободѣ для эгоизма, а Штаммлеръ къ свободѣ отъ эгоизма.

Какъ бы то ни было родословная: Руссо — Кантъ — Штаммлеръ и соотвѣтственная критика ученія Штаммлера покоятся на фактическомъ недоразумѣніи. И источникъ происхожденія, и смыслъ ученія Штаммлера совсѣмъ иной, ничего общаго съ Руссо и Кантомъ не имѣющіе.

Идея любви, въ качествѣ директива политики права, была выставлена впервые въ сочиненіи, направленномъ какъ разъ противъ тенденцій *laissez faire* и въ пользу соціальнаго направленія и соотвѣтственная противоположность указывается и подчеркивается многократно.

И у Штаммлера имѣются соотвѣтственныя прямыя указанія и даже утрированное осужденіе приписываемой ему теперь по недоразумѣнію идеи свободы, какъ какой-то нелѣпости, несообразной и противорѣчивой идеи.

Въ *Wirtschaft und Recht*, какъ разъ въ отдѣлѣ изложенія, посвященномъ социальному идеалу, имѣется и рѣзкое нападеніе на идею либерализма и мишенью здѣсь избирается какъ разъ Руссо (страница 604 и сл.); въ «*Die Lehre von d. richtigen Rechte*» нападенію на лозунги «*Freiheit und Gleichheit*» («Свобода и равенство») посвященъ особый отдѣлъ изложенія подъ этимъ заглавіемъ (стр. 187 и сл.) и здѣсь мишенью для повторенія осужденія въ еще болѣе рѣзкой формѣ избирается W. Humboldt. Подлежащіе удары наносятся по существу, конечно, и Канту, но, по вполнѣ понятнымъ причинамъ, имя Канта не упоминается и его ученіе обходится молчаніемъ.

III.

Во избѣжаніе возможныхъ недоразумѣній по поводу предыдущаго изложенія отмѣтимъ еще слѣдующее.

Изъ моего указанія, что Штаммлеръ, отвергая идеи Руссо, Канта, Гумбольдта и т. д., находится въ согласіи съ направлепіемъ и указаніями въ *Lehre v. Einkommen*, отнюдь не слѣдуетъ, что я согласенъ съ соотвѣтственною его критикою идей либерализма. Напротивъ, я вполнѣ одобряю идеи Руссо, Канта, Гумбольдта, какъ и Адама Смита и т. д., какъ вполнѣ удачныя (хотя и наивно-удачныя, безъ знанія и пониманія, что, какъ и почему, безъ пониманія причинно-эволюціонной связи и т. д.) ученія для той стадіи культурнаго воспитанія западно-европейскихъ народовъ, съ которою эти великіе и для своего времени передовые мыслители имѣли дѣло (и которая у нѣкоторыхъ народовъ имѣется еще и теперь). Такую же критику, которая съ помощью общихъ, своихъ или чужихъ, идей и соображеній наноситъ торжествующій разгромъ такимъ идеямъ, какъ чему-то самому по себѣ неразумному, несообразному, въ отличіе отъ иной идеи, самой по себѣ разумной, изъ самого разума вытекающей и проч.—я считаю недоразумѣніемъ и проявленіемъ недостатка научной сознательности и критицизма.

Равнымъ образомъ, что касается самого социальнаго идеала любви, свободы отъ эгоизма и т. д., то мои указанія относительно фиктивности основаній, по которымъ Штаммлеръ полагаетъ, что «предложенная Петражицкимъ формула еще не представляетъ достаточнаго фундамента» и мнимость подлежащихъ исправленій и различій взглядовъ, отнюдь не означаютъ, что я бы могъ, съ своей стороны, вполнѣ присоединиться къ такому пониманію дѣла, какое имѣется у Штаммлера, что я бы не считъ нужнымъ вводить исправленія съ своей стороны.

Не столько для полемики и критики, сколько для устраненія разныхъ вредныхъ недоразумѣній и выясненія идейнаго существа

дѣла, пользуюсь случаемъ, чтобы указать относительно идеала любви слѣдующее:

1. Штаммлеръ понимаетъ дѣло такъ, что по моему ученію послѣднею цѣлью правопорядка и политики является достиженіе «состоянія любви сочленовъ правового общенія другъ къ другу» (ср. выше, стран. 21), т.-е. что дѣло идетъ объ идеѣ общественнаго союза, социально-правовой организаціи, въ которой сочлены относятся другъ къ другу солидарно, альтруистически, любовно. Такому пониманію и соотвѣтствуетъ его формула подлежащаго общественнаго союза, его ученіе о солидарныхъ дѣйствіяхъ по отношенію къ другимъ членамъ подлежащаго правового союза въ борьбѣ за существованіе во внѣшне-политической и внутренне-государственной жизни и т. д.

Но я и съ такимъ пониманіемъ моего ученія, и съ соотвѣтственною формулою-парафразою Штаммлера отнюдь не согласенъ.

Толкованіе идеала воспитанія человѣчества къ любви въ смыслѣ идеала социально-правового союза людей, дружно и солидарно борющихся за существованіе съ другими союзами и т. д. означаетъ, прежде всего, низведеніе великаго идеала общечеловѣческой любви, не знающей, конечно, и не различающей Эллина и Іудея, на степень мизерной групповой солидарности, націонализма и проч.

Тѣ моменты, которые Штаммлеръ, сообразно его пониманію моего ученія и его собственному ученію, выставляетъ и идеализируетъ какъ моменты подъема гражданъ, «до высоты идеи общественнаго союза свободно хотящихъ людей», съ моей точки зрѣнія являются моментами особенно грубаго и пагубнаго проявленія того варварства и дикости и злостности, которыя еще имѣются въ теперешнемъ человѣчествѣ, и которыя дѣлаютъ возможными войны, т.-е. массовыя взаимоистребленія, взаимоубійства, взаимоискалчченія и проч. дикости и жестокости въ породѣ *homo sapiens*.

Въ этомъ отношеніи люди, гордо отличающіе себя отъ прочихъ животныхъ почетнымъ именемъ *homo sapiens*, даже много злѣе и хуже животныхъ, даже самыхъ злостныхъ животныхъ. Ибо, не говоря уже о тѣхъ животныхъ, которыя никого не убиваютъ и вообще никому никакого зла не дѣлаютъ, даже львы, тигры, пантеры и т. п. не занимаются не только массовыми, но и индивидуальными взаимоубійствами. У животныхъ имѣется въ этомъ отношеніи (при болѣе глубокомъ психологическомъ отношеніи можно было бы уяснить, что далеко не только въ этомъ отношеніи) солидарность рода, а не только жалкая и мелкая стадная, групповая солидарность, какъ у людей.

Съ этой точки зрѣнія, между прочимъ, возникаетъ весьма важная съ точки зрѣнія социологін и философіи исторія человѣческой породы проблема (неразрѣшимая съ точки зрѣнія дарвинистической теоріи и наглядно доказывающая необходимость извѣстныхъ исправленій и дополненій ея), какъ и почему одна изъ породъ животныхъ сдѣлалась въ этомъ отношеніи хуже и злѣе другихъ породъ животныхъ, почему здѣсь родовая солидарность смѣнилась групповою, съ точки зрѣнія рода, какъ такового, безсмысленною и губительнаго.

Въ другомъ сочиненіи (социологін) я надѣюсь выяснитъ подлежащія причины и процессъ развитія, какъ равно и то, что это извращеніе и ухудшеніе, явившись неизбѣжнымъ продуктомъ извѣстныхъ (подлежащихъ выясненію) бессознательныхъ социальнo-психическихъ процессовъ, между прочимъ такихъ же, которые порождаютъ и исторически постепенно измѣняютъ и нравственность и право, должно, столь же неизбѣжно (если не произойдетъ какой-либо особой катастрофы, прерывающей эволюцію человѣческой психики), съ теченіемъ времени исчезнуть и замѣниться общечеловѣческой любовью; такъ что такія явленія, какъ разныя групповыя солидарности и междугрупповая борьба, вражда, война, порабощенія, угнетенія, эксплуатаціи и проч. исчезнуть съ лица земли, оставивъ только печальную память былого варварства, групповыхъ эгоизмовъ, злостности, жестокости и т. д.

Пока, съ точки зрѣнія вопроса о социальномъ идеалѣ, подчеркну, что идея любви, въ смыслѣ перевоспитанія породы homo sapiens и воспитанія соотвѣтственной идеальной психики, само собою разумѣется, исключаетъ всякіе стадные групповые эгоизмы и солидарности и постольку означаетъ противопоставленіе имъ идеала космополитизма.

Уже лучшіе и наиболѣе передовые мыслители и представители этической философіи греческой древности — стоики (стоявшіе въ этомъ отношеніи неизмѣримо выше Платона, Аристотеля и т. д.) сумѣли выйти за предѣлы стадной этики и расширить этическій горизонтъ до идеи космополитизма. А вообразить себѣ Иисуса Христа или его величайшаго и геніальнѣйшаго ученика апостола Павла въ роли проповѣдниковъ стадныхъ патріотизмовъ, хвалителей дружнаго массоваго избіенія «враговъ» и т. п. — совершенно невозможно и означало бы низведеніе ихъ великаго ученія и свѣтлой этики на ступень такой этики, какая уже имѣется и у готтентотовъ и прочихъ дикарей.

Но этого мало.

Въ связи нашихъ идей дѣло идетъ не о проповѣди извѣстныхъ нравственныхъ заповѣдей, какъ въ Евангеліи и т. п., а объ опре-

дѣленіи воспитательной задачи политики (и вообще нашего поведения, поскольку мы при пониманіи дѣла можемъ воспитательно воздѣйствовать на другихъ и этимъ содѣйствовать осуществленію подлежащей великой цѣли — о проблемѣ практической философіи вообще ¹⁾). Дѣло идетъ о постепенномъ воспитаніи извѣстнаго идеальнаго состава эмоціональной психики, о постепенномъ искорененіи эгоистическихъ, одіозныхъ, злостныхъ эмоціональных диспозицій и тѣмъ самымъ самой психической возможности соотвѣтственнаго поведения, убиванія другихъ, хотя бы съ оправдательнымъ эпитетомъ «враговъ», злостнаго нанесенія ранъ и причиненія иного зла, о насажденіи, развитіи и укрѣпленіи каритативныхъ эмоціональных диспозицій и тѣмъ самымъ сазданія психической неизбѣжности соотвѣтственнаго добраго, милосерднаго, сострадательнаго и проч. и проч. поведения. Тѣмъ самымъ, психологически неизбѣжно, будетъ существенно измѣнено въ безчисленныхъ отношеніяхъ и направленіяхъ не только отношеніе людей къ людямъ и человѣчеству, но и отношеніе породы *homo sapiens* къ прочимъ животнымъ и страдающимъ существамъ, и безчисленныя проявленія безучастнаго, безсердечнаго и жестокаго эгоизма человѣка по отношенію къ другимъ существамъ тоже смѣнятся существенно инымъ отношеніемъ. Это уже имѣлъ въ виду великій философъ и учитель — Будда.

2. Затѣмъ, Штаммлеръ истолковалъ и воспринялъ идею любви въ слишкомъ буквальномъ и узкомъ смыслѣ, полагая, что дѣло идетъ объ опредѣленномъ отношеніи къ опредѣленнымъ «ближнимъ», объ отношеніи, состоящемъ въ томъ, что «одинъ признаетъ объективно обоснованныя цѣли другого, какъ свои цѣли и желаетъ ихъ достиженія».

Мы не имѣемъ здѣсь въ виду узости горизонта, связаннаго съ узостью понятія «ближняго». Объ этомъ уже была рѣчь. Равнымъ образомъ мы не считаемъ здѣсь существеннымъ то обстоятельство, что, при правильномъ пониманіи, любовь включаетъ въ себѣ несоизмѣримо и неисчислимо больше, чѣмъ то спеціально опредѣленное отношеніе, которое выдвигаетъ Штаммлеръ въ видѣ формулы, поясняющей формулу «общественнаго союза свободно хотящихъ людей» и замѣняющей слово «любовь». Впрочемъ, при той формулировкѣ этого отношенія, которую устанавливаетъ и повторяетъ въ разныхъ контекстахъ Штаммлеръ, говоря объ усвоеніи со стороны одного члена союза обоснованныхъ, «управомоченныхъ» цѣлей другого, и само это отношеніе дѣлается нѣсколько страннымъ.

¹⁾ «L. v. E.» II. стран. 604, 605.

Ближній А долженъ въ свои цѣли возводить цѣли ближняго Б, а ближній Б — цѣли ближняго А. Получается своеобразное *chassez-croisez* цѣлей, заключающее въ себѣ и психологическія и логическія невозможности съ добавленіемъ еще логическаго круга, *circulus*, состоящаго въ томъ, что поставленную себѣ задачу выяснитъ, какія цѣли человѣческія «управомочены», «объективно обоснованы» Штаммлеръ разрѣшаетъ путемъ указанія на то, что таковыми являются цѣли, совпадающія съ «управомоченными», «объективно обоснованными» и т. д. цѣлями другихъ. То-есть управомоченными являются управомоченныя цѣли, но не всѣ, а только по содержанию чужія (это хуже, чѣмъ *circulus in definiendo*, $x=x-a$).

Мы эти обстоятельства, какъ суженіе понятія любви до одного опредѣленнаго вида отношенія, такъ и такую формулировку самого этого вида отношенія, что получается *circulus* и самопротиворѣчіе, считаемъ въ данной связи несущественными. Дѣло идетъ объ обходной формулѣ вмѣсто названія вещей своими именами, о неудачномъ словесномъ суррогатѣ слова «любовь». По этому поводу можно только и умѣстно указать на то, что нежеланіе по такимъ или инымъ соображеніямъ говорить просто, называть вещи своими именами, сочиненіе разныхъ иносказательныхъ и обходныхъ формулъ и выраженій, особенно при извѣстныхъ условіяхъ, не проходитъ безнаказанно въ смыслѣ не только трудности, темноты и удлиненности изложенія, но и въ смыслѣ совершенно лишниихъ опасностей, ошибокъ и искаженій при сочиненіи такихъ суррогатовъ естественнаго, многовѣковымъ процессомъ психическаго подбора и приспособленія выработаннаго и усовершенствованнаго человѣческаго языка. И сильный индивидуальный умъ, и въ области творчества, въ области своими силами созданныхъ, глубоко продуманныхъ, прочувствованныхъ и выстраданныхъ идей, на почвѣ такихъ словесныхъ манипуляцій можетъ попасть въ совершенно ненужныя опасности и бѣдствія...

Болѣе существенно для достиженія ясности въ дѣлѣ политическаго идеала и вообще принципа практической философіи другое.

Дѣло состоитъ не въ томъ непременно, чтобы дѣлать какимъ-либо опредѣленнымъ ближнимъ добро путемъ содѣйствія имъ въ достиженіи ихъ цѣлей или безчисленными другими способами, въ частности путемъ привитія имъ психически хорошихъ цѣлей и вообще воспитательнаго воздѣйствія на нихъ; это лишь одно и можно сказать лишь весьма частное и скромное проявленіе того идеальнаго характера, воспитаніе коего имѣется въ виду. Если, напр.,

какой-либо ученый неустанно тяжело работает для доставленія челоуѣчеству научнаго свѣта, какъ такового, признаваемаго имъ великимъ благомъ и украшеніемъ челоуѣчества, напр., научнаго свѣта по физикѣ, химіи и т. п., или для содѣйствія воцаренію въ отдаленномъ будущемъ, когда уже его кости давно истлѣютъ, лучшей жизни и лучшаго челоуѣчества на землѣ, не ища при этомъ какихъ бы то ни было благъ для себя или даже сознавая, что подлежащій изнурительный трудъ, подрывающій физическія силы и здоровье, устраняющій пользованіе радостями жизни и удовольствіями, будетъ, какъ это еще кое-гдѣ бываетъ, награжденъ только завистью, злобою и разными другими проявленіями пока еще некультурной психики, или если какой-либо общественный дѣятель проводитъ во имя будущаго челоуѣческаго прогресса, какъ онъ его понимаетъ, нѣчто такое, что можетъ навлечь на него только непопулярность или преслѣдованія, правительственныя или иныя, — то такіе люди дѣйствуютъ въ духѣ нашего идеала, хотя они вообще при этомъ имѣютъ въ виду не только не усвоеніе цѣлей какихъ-либо ближнихъ, но и вообще не живущихъ теперь на землѣ людей, какъ таковыхъ. Ихъ взоры устремлены въ далекое будущее и они имѣютъ въ виду будущую лучшую жизнь и лучшее челоуѣчество, а по сравненію съ этимъ не только отдѣльные ближніе съ ихъ цѣлями, но даже все теперь живущіе на землѣ люди вмѣстѣ взятые — нѣчто по меньшей мѣрѣ малое и скромное.

Въ такомъ духѣ, чтобы люди были способны къ этому, и слѣдуетъ вести воспитаніе, и будущіе родители, школы, законодатели и прочіе политики и будутъ заботиться о такомъ воспитаніи.

Значительно уже и конкретнѣе представленія о томъ самоотверженномъ и въ другихъ отношеніяхъ идеальномъ характерѣ, который подъ именемъ «любовь» или иными именами выступаетъ въ великихъ нравственныхъ ученіяхъ прошлаго времени, въ томъ числѣ и величайшихъ, въ ученіяхъ Христа и его учениковъ и Будды. Тамъ имѣются въ виду конкретные ближніе люди или и иныя существа, живущія и страдающія, низшія животныя, и сообразно съ этимъ построена нравственная проповѣдь, даются поясненія, частныя правила и т. д. И для того времени, для людей тѣхъ эпохъ психическаго развитія, это было вполне правильно; эти люди были бы неспособны понимать абстрактныя идеи и отдаленныя перспективы и воодушевляться въ пользу такихъ идеаловъ. И теперь дѣтей надо прежде всего пріучать къ доброму отношенію къ конкретнымъ ближнимъ, роднымъ, прислугѣ, знакомымъ, домашнимъ животнымъ и т. д. Но затѣмъ горизонтъ долженъ расширяться, отъ конкретныхъ живыхъ людей расширяться до чело-

вѣчества, отъ наличнаго момента и особаго повода для проявленія сердечности и доброты до неограниченно далекаго будущаго. Уже, вѣдь, теперешнее право культурныхъ государствъ признаетъ гражданъ, не исключая наименѣе культурныхъ элементовъ народной массы, настолько культурно воспитанными и умственно развитыми, что ихъ можно допускать и привлекать къ участию въ государственной и международной политикѣ путемъ избранія депутатовъ въ парламенты и проч. И такая этика и такое домашнее и иное воспитаніе, которыя приноровлены къ приватно-конкретнымъ дѣламъ и отношеніямъ, къ отношеніямъ къ «ближнимъ», какъ таковымъ, все болѣе устарѣваютъ и дѣлаются все болѣе хромыми и неполными, все болѣе ведутъ къ растратѣ этическихъ силъ на мелкія дѣла, во всякомъ случаѣ къ недостаточному использованию, особенно болѣе выдающихся, силъ непосредственно для болѣе важныхъ и великихъ задачъ.

Сообразно съ этимъ и будущая наука «политики нравственности», аналогичная будущей «политикѣ права», долженствующая замѣнить теперешнія, не основанныя на знаніи психической природы нравственности и ея многообразныхъ и сложныхъ импульсивныхъ и педагогическихъ дѣйствій въ человѣческой психикѣ и состоящія въ конструированіи довольно неудачныхъ рецептовъ,— будетъ имѣть въ виду необходимость реформы нравственности и въ направленіи замѣны узко-конкретныхъ элементовъ широкими и абстрактными гуманными горизонтами. Тѣмъ болѣе, когда рѣчь идетъ о воспитаніи человѣчества съ помощью разумной политики права, выставлать въ качествѣ высшаго идеала солидарное отношеніе между членами какого-либо правового союза или хотя бы между ближними въ болѣе широкомъ пониманіи евангельскаго ученія было бы ошибкою.

3. Выставляя идею воспитанія любви, какъ особаго идеальнаго характера, очищенія психики отъ злостныхъ и эгоистическихъ элементовъ, созданія способности и готовности посвящать себя радостному служенію обществу, человѣчеству, культурѣ, прогрессу и т. д., я имѣю въ виду основную, центральную педагогическую задачу, высшій и идеальнѣйшій элементъ будущей человѣческой психики. Но это не означаетъ единственной правнополитической воспитательной задачи единственнаго «критерія», «масштаба» для оцѣнки законопроектовъ, для научно-сознательнаго и рациональнаго направленія законодательства и т. д.

Не говоря уже о социально-мотивационныхъ функціяхъ права и задачахъ политики, и воспитательныя дѣйствія и функціи права весьма многочисленны и разнообразны, и съ подлежащимъ изуче-

ніемъ, знаніемъ и пониманіемъ причинныхъ зависимостей и должна сообразоваться политика, утилизируя подлежащія многообразныя воспитательныя дѣйствія права на благо человѣчества.

Напр., одною изъ весьма серьезныхъ проблемъ правовой педагогики, особенно въ менѣе культурныхъ странахъ, является проблема лѣни, человѣческой лѣности и воспитанія трудолюбія.

Съ точки зрѣнія началъ эмоціональной психологіи лѣнь, лѣность означаетъ эмоціональный диссонансъ, эмоціалную приспособленность къ наличнымъ условіямъ жизни и necessностямъ, а именно отсутствіе или недостаточное развитіе тѣхъ эмоціональныхъ диспозицій, которыя соотвѣтствуютъ данному виду тѣлодвиженій или вообще данному виду дѣятельности.

У животныхъ (въ естественномъ состояніи, въ отличіе отъ животныхъ, порабощенныхъ человѣкомъ и понуждаемыхъ къ работѣ) нѣтъ лѣни и быть ея не можетъ. Въ своемъ мѣстѣ я выяснилъ, что, напр., добываніе средствъ пропитанія, постройки жилищъ, гнѣздъ и проч. происходитъ у животныхъ не въ качествѣ «тяжелаго труда» для какихъ-либо цѣлей, для предупрежденія страданій и т. п., а въ качествѣ эмоціональныхъ фізіологическихъ акцій, разряда и удовлетворенія спеціальныхъ эмоціональныхъ влеченій къ подлежащимъ движеніямъ; напр., охотѣ дикихъ животныхъ соотвѣтствуютъ не какія-то страданія и желаніе отъ нихъ избавиться, какъ толкуетъ традиціонная психологія, а спеціально-охотничьи эмоціалныя влеченія, особыя эмоціи, доходящія до большой интенсивности и «страстности», такъ что дѣло идетъ не о тяжеломъ и неохотномъ «трудѣ», а объ удовлетвореніи этихъ эмоціональныхъ влеченій, что по законамъ эмоціональной психики неизбѣжно связано съ наслажденіями. И то же относится и къ другимъ «работамъ» животныхъ; это не тяжелыя работы, а проявленія и удовлетворенія соотвѣтственныхъ влеченій и наслажденія. «Лѣнь», какъ и многое другое, спеціальность одной изъ породъ животныхъ, а именно человѣческой породы. Прежде, «въ естественномъ состояніи» (до-культурномъ) и у людей, конечно, не было и не могло быть лѣни. Человѣческая лѣнь есть продуктъ такого измѣненія, на почвѣ развитія sapientia, характера и условій жизни, отъ котораго отстала, къ которому еще не успѣла приспособиться, эмоціональная психика. Къ охотничьему дѣлу, рыболовству, собиранію ягодъ, орѣховъ и т. п. у насъ (еще) имѣется эмоціональная приспособленность, унаслѣдованная отъ отдаленныхъ предковъ, имѣются соотвѣтственныя эмоціи, и поэтому такія занятія доставляютъ удовольствія и даже величайшія наслажденія «страстнымъ охотникамъ» въ воскресные дни и т. д. Къ скотоводству, пастушескому дѣлу, отчасти и

къ земледѣлію, по крайней мѣрѣ въ прежней болѣе примитивной формѣ, къ копанію грядокъ и т. п. (ср. дѣтскія забавы), уже имѣется нѣкоторая эмоціональная приспособленность, выработанная специально-человѣческой культурою. Но вообще говоря, имѣется большая дисгармонія и диссонансъ между теперешнею человѣческой эмоціональною психикою и теперешними условіями жизни, такъ что имѣется и лѣнь, «тяжелый трудъ», «непріятныя занятія» и проч.

Въ этомъ, между прочимъ, одинъ изъ существенныхъ источниковъ для пониманія права, нравственности и ихъ историческаго развитія, для пониманія появленія въ человѣческой породѣ на извѣстной ступени развитія рабскаго правового строя, крѣпостнаго права и т. п., т.-е. такой системы правовой мотиваціи, что, грубо и схематически выражаясь, одни люди ставятся съ кнутами надъ другими людьми съ тѣмъ, чтобы понуждать послѣднихъ къ работѣ и воспитывать къ трудолюбію, затѣмъ, послѣ достиженія извѣстныхъ культурно-воспитательныхъ успѣховъ, воцаренія современнаго, свободно-капиталистическаго, строя, уже предполагающаго ненадобность кнута, вообще уже нѣкоторое трудолюбіе, но оказывающаго еще очень сильное и даже жестокое психическое давленіе на людей, чтобы заставить ихъ трудиться, производить для общества необходимое, доставлять, куда нужно и проч., путемъ поставленія на видъ перспективъ голода, холода, и иной нужды и бѣдствій для субъекта и его семьи въ случаѣ нерезоннаго экономически поведенія, путемъ заманчивыхъ перспективъ комфорта, роскоши и проч. для субъекта и его близкихъ въ случаѣ экономическихъ заслугъ и т. д. Одна изъ цѣннѣйшихъ воспитательныхъ функцій теперешняго частнаго имущественнаго права, права собственности съ наслѣдственнымъ правомъ (необходимаго для правильной лично-семейственной хозяйственной мотиваціи ¹⁾) и договорно-мѣноваго права состоитъ въ воспитаніи экономической дѣльности, трудолюбія, бережливости и проч. И какъ показываетъ поразительный ростъ народнаго богатства въ культурнѣйшихъ странахъ, Германіи, Англіи, Франціи и т. д., тамъ уже достигнуты съ помощью мотивационно-воспитательнаго дѣйствія права частной собственности и т. д. грандіознѣйшіе воспитательные результаты. Подлежащія поразительныя статистическія цифры — это величайшіе комплименты по адресу хозяйственно-воспитательнаго дѣйствія частной собственности съ наслѣдственнымъ правомъ и т. д.

Не менѣе интересные комплименты по адресу воспитательнаго

¹⁾ Ср. Теоріи права, II, § 49.

дѣйствія частно-имущественнаго права, права собственности, наследственнаго права и т. д. представляютъ безчисленныя правовыя реформы новѣйшаго времени, направленныя, хотя и безъ сознанія и пониманія со стороны правотворческихъ факторовъ, въ чемъ дѣло, на частичное упраздненіе за ненужностью, на ослабленіе мотиваціоннаго давленія подлежащей правовой системы.

Какъ уже упомянуто, частно-правный, капиталистическій, строй оказываетъ сильное психическое давленіе на народныя массы въ пользу общественно-необходимаго хозяйственнаго поведенія путемъ угрозы разными житейскими бѣдствіями для субъекта и его семьи вплоть до голодной смерти, лишенія питанія, жилища и т. д. При томъ прежнее право психически выдавливало въ широкихъ народныхъ массахъ необходимое для поддержанія народнаго благосостоянія и даже самаго существованія народа большее количество труда, чѣмъ сколько необходимо для общественнаго прозябанія субъекта и его семьи во время его работоспособности, угрозой все-таки голодомъ, холодомъ и т. д., если человекъ не думаетъ о завтрашнемъ днѣ, не обезпечиваетъ себя и семью путемъ усиленнаго труда на случай паденія или прекращенія трудоспособности, инвалидности, старости, болѣзни и проч. И сверхъ того, въ помощь такому, довольно уже сильному давленію дѣйствовала еще такая податная система, которая оказывала на широкія народныя массы добавочное давленіе въ пользу добавочнаго труда, бережливости и проч. путемъ высасыванія возможныхъ скромныхъ излишковъ, или, точнѣе, путемъ психическаго принужденія къ выработыванію и сбереганію излишковъ въ пользу государства и т. д. Съ другой же стороны, экономически преуспѣвающимъ, богатымъ и ихъ семьямъ и наследникамъ обѣщались всякія блага и крупныя преміи, безъ умаленія ихъ податями (податная привилегированность богатыхъ означаетъ, такъ же какъ и податная обременность небогатыхъ, съ правно-мотиваціонной точки зрѣнія, усиленіе подлежащаго мотиваціоннаго давленія). Сверхъ того, неофіціальное право, общественная мораль и разные другіе продукты безсознательнаго соціально-психическаго приспособленія, съ своей стороны, усиливали это давленіе путемъ каранія за бѣдность умаленіемъ чести и даже презрительнымъ отношеніемъ, путемъ награжденія и безъ того награжденныхъ за свои или родителей и т. д. заслуги богатствомъ безчисленными преимуществами почета, уваженія, поклоненія и проч.

Въ новѣйшее же время мы являемся свидѣтелями грандіозной революціи въ этихъ областяхъ и отношеніяхъ. Идетъ не только уравненіе податнаго бремени, т.-е. двойное сразу ослабленіе

хозяйственно-мотивационнаго давленія, но даже превращеніе прежней системы въ прямо противоположную систему — освобожденіе незажиточныхъ отъ давленія, все большее усѣкновеніе премій за экономическое усердіе и преуспѣваніе у богатыхъ. Разные виды такъ называемаго соціального законодательства, страхованія на случай болѣзни, инвалидности и проч.— дальнѣйшее ослабленіе силы и грозности подлежащаго давленія. Быстро исчезаютъ разные добавочныя официально-государственныя и неофициально-общественныя награжденія и привилегированности высшихъ классовъ, и т. д.

А экономическая статистика въ культурныхъ странахъ не только не отвѣчаетъ на это какими-либо отрицательными симптомами, но показываетъ дальнѣйшій быстрый ростъ народнаго благосостоянія, т.-е. доказываетъ наличность такой экономической дѣльности и такой дальнѣйшій прогрессъ экономическаго воспитанія, что и умаленіе давленій не мѣшаетъ дальнѣйшему усиленію трудолюбія, бережливости, предприимчивости и прочее.

Но имѣются еще болѣе лестные и интересные комплименты по адресу права частной наслѣдственной собственности и т. д., а именно, на ряду съ частичнымъ упраздненіемъ, количественнымъ умаленіемъ подлежащаго мотивационнаго давленія, быстро подвигающееся, захватывающее все болѣе обширныя области хозяйства, полное упраздненіе подлежащей мотиваціи.

Такой ростъ предприятий, что частная хозяйская заинтересованность и око хозяйское все болѣе теряетъ значеніе, вытѣсненіе и такихъ хозяйствъ коллективными, «анонимными» (акціонерными) и иными хозяйствами, гдѣ нѣтъ какого-либо единоличнаго хозяина, гдѣ все работаютъ не для себя, грандіозное и быстрое расширеніе публично-коллективныхъ хозяйствъ насчетъ частныхъ и лично-заинтересованныхъ вообще, отражающееся въ цифровой формѣ въ видѣ поразительно быстрого роста бюджетовъ государствъ, городовъ и иныхъ публично-правныхъ коллективовъ — все эти явленія означаютъ быстро подвигающееся упраздненіе прежней системы мотивационнаго давленія съ личной эгоистической и мелко-групповою (семейною) заинтересованностью и замѣну ея совсѣмъ иною мотиваціею. А статистика наиболѣе культурныхъ странъ по этому поводу говоритъ своими цифрами: и безъ прежняго сильнаго и жестокаго мотивационнаго давленія и вообще безъ прежняго приведенія въ дѣйствіе лично-карманныхъ интересовъ все-таки дѣло идетъ хорошо и даже кое-гдѣ еще лучше. И публика довольна, о ней послѣ обобществленія подлежащей отрасли хозяйства еще лучше заботятся, доставляетъ еще большія удобства, гигиену и прочее.

Это — дипломъ большой экономической зрѣлости и воспитанности для народной психики, а по адресу частной собственности и т. д. тоже величайшій комплиментъ, свидѣтельство, что она уже сдѣлала свое воспитательное дѣло и въ подлежащихъ областяхъ хозяйства уже болѣе ненадобна.

Тамъ, гдѣ государственный социализмъ, городской и проч. примѣняется подражательно и результаты получаются отрицательные — паденіе доходовъ, раскрадываніе общественнаго пирога, отсутствіе элементарной заботы о потребностяхъ и удобствахъ потребителей, публики и проч., разумѣется, такіе выводы дѣлать рано и получается даже противоположный выводъ въ пользу экономического либерализма, въ пользу необходимости воспитанія путемъ частной собственности, свободной конкуренціи и т. п.

И вотъ такая правовая политика, которая, понявъ идеаль любви, даже не въ такомъ узкомъ смыслѣ, какъ его понялъ Штаммлеръ, а въ несоизмѣримо болѣе широкомъ смыслѣ истинно социальной и преданно-гуманитарной психики въ указанномъ нами смыслѣ, какъ единый и единственный «масштабъ» для выработки и оцѣнки проектовъ реформъ («социальныхъ средствъ», какъ выражается Штаммлеръ), была бы весьма негениальною, близорукою и вредоносною политикою, уже хотя бы изъ за упущенія изъ виду необходимости воспитанія и укрѣпленія трудолюбія, трудовой психики, т.-е. приспособленія эмоціональной психики человѣчества къ совершенно инымъ видамъ труда, чѣмъ тѣ, къ которымъ имѣется атавистическая эмоціональная приспособленность, унаслѣдованная отъ отдаленныхъ звѣроподобныхъ предковъ.

Мы указали лишь одинъ примѣръ. Эмоціональная психика теперешняго человѣчества еще не приспособлена къ новымъ условіямъ жизни и въ тысячахъ другихъ отношеній. Порода *homo sapiens* это такая пока несчастная и жалкая порода, которая вообще пока ни для чего какъ слѣдуетъ быть не годна, не приспособлена. Она уже подверглась такой эмоціональной передѣлкѣ, такому ослабленію и извращенію прежней психики, гармонически приспособленной къ прежнимъ, существовавшимъ въ теченіе сотенъ тысячелѣтій, условіямъ жизни, что она уже не годна для такой жизни; но она въ то же время еще не успѣла въ безчисленныхъ отношеніяхъ достигнуть и сообразованія эмоціональной психики съ новыми условіями. И такія явленія, какъ обжорство и пьянство, половой развратъ и прочее, какъ и лживость, завистливость и различные другіе гадости и пороки, — тоже специальность только одной породы — человѣческой. И такая, напр., политика брачнаго права, которая бы не понимала необходимости полового

воспитанія, половыхъ сдержекъ и проч., была бы весьма неумною политикою, хотя бы и руководствовалась масштабомъ любви, свободы отъ эгоизма и проч. и проч. Прежняя эволюція права, нравственности, эстетики, религіи и нѣкоторыхъ другихъ продуктовъ соціально-психическаго безсознательнаго цѣлесообразнаго приспособленія представляла сложнѣйшій процессъ воздѣйствія на различнѣйшіе элементы человѣческой психики для недопущенія или ослабленія дѣйствія атавистическихъ, уже негодныхъ, эмоціональныхъ элементовъ, для вызова и укрѣпленія другихъ мотивовъ и эмоціональныхъ диспозицій и соотвѣтственной постепенной передѣлки этой психики въ необходимыхъ новыхъ направленіяхъ; и съ этой только точки зрѣнія, съ точки зрѣнія мѣняющихся по мѣрѣ достигаемаго измѣненія массовой психики системъ соціальной мотивациі и педагогики, и можетъ-быть понимаема и научно объясняема исторія права, нравственности, религіи и т. д. и вообще человѣческая исторія.

И такое же пониманіе необходимо для дѣйствительно научной сознательно-раціональной политики. Дѣло идетъ о продолженіи сложнѣйшаго дѣла соціальной мотивациі и постепеннаго перевоспитанія въ тысячахъ отношеній человѣческой породы въ направленіи устраненія тысячъ диссонансовъ и дисгармоній и приспособленій къ разумной человѣческой жизни на новыхъ началахъ, — о продолженіи этого дѣла на почвѣ научнаго свѣта и пониманія причинныхъ зависимостей, на почвѣ сознательно-раціональной педагогики и политики, вмѣсто прежняго процесса приспособленія, совершенно наивнаго, безсознательнаго и потому въ разныхъ отношеніяхъ менѣе удачнаго, медленнаго, болѣзненнаго, связаннаго съ лишними жестокостями и слезами человѣческими и т. д.

Для особаго выдвиженія идеи воспитанія къ любви въ указанномъ широкомъ смыслѣ имѣются особыя важныя основанія, которыя я надѣюсь обстоятельно выяснитъ впоследствии, но, повторяю, дѣло идетъ лишь о высшей и важнѣйшей задачѣ, на ряду съ безчисленными другими, о *nominatio a potiori*, а не объ игнорированіи всего прочаго, безчисленнаго.

4. Наконецъ, въ пониманіи моего ученія со стороны Штаммера и въ соотвѣтственномъ его собственномъ ученіи имѣется еще слѣдующее принципиальное недоразумѣніе.

Онъ предполагаетъ, что по моему ученію объ идеалѣ политики права надо въ качествѣ идеальнаго состоянія представлять себѣ воспитанныхъ къ любви людей подъ господствомъ какой-то

системы права (ср. выше стран. 23 «состояніе любви сочленовъ правового общенія другъ къ другу»).

Сообразно съ этимъ и у него дѣло идетъ объ «идеѣ совмѣстной жизни людей подъ внѣшними правилами» (т.-е. правилами права) и т. д.

Но въ этомъ скрывается самопротиворѣчіе, во всякомъ случаѣ принципиальное недоразумѣніе и несообразность по существу.

Оно станетъ явственнымъ и бросающимся въ глаза уже на почвѣ словесной формулировки, если мы вмѣсто выражений «право», «внѣшнія правила» и т. д. подставимъ въ тезисѣ Штаммлера его опредѣленія и характеристики подлежащихъ правилъ какъ «принудительныхъ нормъ», какъ «попытокъ принужденія къ правильному» («Zwangversuch zum Richtigen») и т. п.

Тогда представляемое идеальное состояніе получаетъ довольно несообразный видъ жизни людей воспитанныхъ къ «правильному», къ любви, имѣющихъ правильную, свободную отъ эгоизма, волю и тѣмъ не менѣе подчиненныхъ праву, которое принуждаетъ ихъ или «пытается» принуждать къ правильному, къ тому, чего они сами хотятъ. Это было бы столь же несообразно, какъ созданіе системы права, пытающейся понуждать людей дышать, спать и проч.

Я, само собою разумѣется, понимаю дѣло иначе. Представленіе достиженія социальна-идеальной психики, конечно, исключаетъ надобность и разумность какихъ-либо мѣръ понужденія и вообще психическаго давленія и даже самую возможность существованія соотвѣтственнаго права.

Всякое правовое психическое давленіе въ пользу извѣстнаго поведенія предполагаетъ соотвѣтственную негодность, непригодность, неспособность человѣческой психики; оно, на почвѣ бессознательно-удачнаго социальна-психическаго приспособленія, бываетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше эта непригодность, чѣмъ сильнѣе унаслѣдованныя эмоціональныя влеченія къ иному, злостному и т. п., поведенію, чѣмъ меньше или слабѣе мотивы въ пользу социальна необходимаго поведенія; сообразно съ этимъ это давленіе въ исторіи права, по мѣрѣ достиженія подлежащихъ воспитательныхъ, приспособительныхъ эффектовъ постепенно упраздняется; законъ эволюціи права есть законъ нисходящей прогрессіи мотивационнаго давленія съ нулевымъ давленіемъ, то-есть упраздненіемъ соотвѣтственнаго права, въ концѣ. Внимательное изученіе эволюціи права съ соотвѣтственной психологической точки зрѣнія съ теченіемъ времени выяснитъ, что огромная масса права, бывшаго прежде социальна-необходимымъ на почвѣ варварской психики, уже за ненадобностью упразднена. Миѣ въ тим-

назическое время приходилось быть свидѣтелемъ происходившихъ по воскресеніямъ сраженій, боевъ и довольно жестокихъ массовыхъ избиеній съ пораненіями, увѣчьями и т. д. между массаи жителей двухъ частей города, раздѣленныхъ рѣкою (Западною Двиною), а также сраженій между разными классами гимназін, въ которой я учился, съ избиваніемъ взятыхъ въ плѣнъ и приращенныхъ побѣдителями въ свою классную комнату учениковъ другихъ классовъ. И начальственныя запрещенія не помогали. Теперь, насколько я знаю, подлежащихъ массовыхъ побоищъ въ томъ городѣ и въ той гимназін уже не бываетъ, и соотвѣтственныя запрещенія сдѣлались ненужными и не повторяются. Читая прежніе уставы клубовъ и т. п. можно тамъ найти разныя запретительныя положенія, напр., относительно разныхъ неприличныхъ дѣйствій, пьянства, примѣненія вмѣсто носовыхъ платковъ разныхъ другихъ объектовъ, въ частности принадлежащихъ клубу, и т. п. положенія, которыя въ новыхъ уставахъ уже не повторяются. Это, хотя и мелкіе, но весьма поучительные примѣры общаго закона эволюціи права. Прежде для поддержки семейнаго мира и дисциплины право ставило мужа надъ женою и вручало ему не только плеть, но и мечъ, право смертной казни за непокорность и проч. Постепенно это грозное мотивационное давленіе упразднялось и теперь въ психикѣ культурнѣйшихъ сферъ не существуетъ уже не только права казнить, бить жену и проч., но и власти мужа надъ женою вообще, и, конечно, остатки подлежащей власти, гдѣ онѣ еще существуютъ, подлежатъ съ теченіемъ времени упраздненію. Прежде такая же власть, тоже съ правомъ смертной казни, вручалась родоначальникамъ и надъ взрослыми сыновьями, ихъ женами и проч. По закону нисходящей прогрессіи мотивационнаго давленія эта власть постепенно ослаблялась и, затѣмъ, совсѣмъ упразднялась, и теперь осталась совсѣмъ не грозная мягкая власть надъ несовершеннолѣтними, и т. д. Вообще сколько властей и соотвѣтственныхъ грозныхъ давленій уже упразднено!

Ужъ на что положеніе монарховъ государствъ таково, что отъ нихъ можно ожидать соблюденія ихъ обязанностей и безъ особыхъ психическихъ давленій, наградъ за соблюденіе, каръ за несоблюденіе обязанностей и т. п. Притомъ, по вполне понятнымъ причинамъ, примѣненіе здѣсь подобныхъ особыхъ мотивационныхъ давленій, особенно карательныхъ, связано съ особыми отрицательными и вредными осложненіями. Однако, кто съ надлежащимъ вниманіемъ и пониманіемъ пожелаетъ прослѣдить измѣненія положенія монарховъ въ исторіи, тотъ убѣдится, что прежнее право отъ

тогдашнихъ монарховъ отнюдь не ожидало добровольнаго соціально-необходимаго поведенія и заключало въ себѣ цѣлыя системы мѣръ психическаго понужденія и понуканія къ добросовѣстному управленію и т. д. Во-первыхъ, слѣдуетъ принять во вниманіе, что надъ прежними людьми имѣлось двойное психическое давленіе, двѣ грозныя системы права, «два меча», система сакрального права и сакральная дисциплина и сакральный мечъ, и система свѣтскаго права со свѣтскимъ мечомъ (точнѣе, множествомъ разныхъ давленій и плетей и мечей). И монархи находились подъ сакральною дисциплиною и, въ случаѣ несоблюденія обязанностей, преступленій и т. д., подвергались карамъ со стороны первосвященниковъ или иныхъ представителей божеской, сакральной власти на землѣ. Еще не такъ давно въ Европѣ римскіе папы имѣли надзоръ надъ монархами и наказывали ихъ, подчасъ довольно жестоко. Секуляризація права, освободившая монарховъ и другихъ людей изъ-подъ церковнаго меча и дисциплины, вообще одна изъ грандіознѣйшихъ иллюстрацій нашего закона нисходящей прогрессіи и окончательнаго упраздненія разныхъ правно-мотиваціонныхъ давленій.

Затѣмъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что прежняя правовая психика, и независимо отъ сакральной дисциплины надъ монархами, принципа безотвѣтственности монарховъ не знала и не признавала, а ставила народъ въ положеніе судьи, облеченнаго правомъ карать, свергать съ престола, казнить за измѣну отечеству и другія преступленія и т. д. Достаточно, напр., хоть нѣкотораго ознакомленія съ фактической исторіей правовой психики и соотвѣтственнаго поведенія въ средніе вѣка въ Западной Европѣ или въ Россіи въ удѣльно-вѣчевой періодъ, или съ прежнею литературою по этому вопросу, чтобы убѣдиться, что принципъ безотвѣтственности и некараемости монарховъ есть продуктъ относительно высокой культуры, въ Европѣ возникшій и окрѣпшій лишь относительно недавно.

Но этого мало. Древнее право предполагало такую психику у тогдашнихъ людей, въ томъ числѣ и монарховъ, что карательно-психическихъ давленій было мало, а надо было еще побуждать къ исполненію государственныхъ обязанностей, побѣждать лѣнь и т. д. съ помощью награжденій за усердіе. И притомъ древнее право примѣняло для этого столь сильно дѣйствующія средства, столь сильное психическое давленіе, что теперь такія средства не допускаются правомъ даже для простыхъ рабочихъ, чтобы ихъ заставить усердно работать; а именно, древнее право примѣняло къ монархамъ систему вознагражденій, извѣстную

теперь подъ именемъ «потной системы»; не что иное, какъ эту систему психическаго давленія, означаютъ встрѣчающіяся на каждомъ шагу въ старинныхъ намятникахъ права правила, по которымъ князьямъ полагалось особое вознагражденіе за каждого пойманнаго и осужденнаго преступника и за разныя иныя дѣйствія по исполненію ихъ обязанностей; точно такую же «потную систему» вознагражденія примѣняло прежнее право къ воеводамъ и прочимъ государственнымъ служащимъ, такъ что мотиваціонное давленіе въ государствѣ уже поэтому было несоизмѣримо сильнѣе, чѣмъ при теперешней системѣ вознагражденія). И такъ называемый патримоніальный строй понимающему право, какъ мотиваціонно-воспитательную систему, измѣняющуюся и упраздняющуюся по мѣрѣ достиженія своихъ воспитательныхъ задачъ, указываетъ, что для достиженія надлежащаго управленія государствомъ нельзя было полагаться на готовность заботиться о чужомъ благѣ, а надо было заинтересовать лично монарховъ (какъ помѣщиковъ, чтобы они хорошо управляли ввѣренными имъ имѣніями), и проч. и проч.

Вообще право существуетъ изъ-за невоспитанности, дефектности человѣческой психики, и его задача состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать себя лишнимъ и быть упраздненнымъ.

Съ теченіемъ времени и для прочихъ людей, какъ это уже сдѣлано для монарховъ, будетъ упразднено уголовное и вообще карательное право, а равно и наградное право; а если и когда будетъ достигнуто вполнѣ надлежащее, вполнѣ социальное воспитаніе, психика любви въ нашемъ обширномъ смыслѣ и т. д., то вообще право лишится смысла и даже его существованіе сдѣлается психически невозможнымъ (что, само собою разумѣется, не исключаетъ установленія общихъ плановъ дѣйствій и ихъ охотнаго исполненія безъ всякихъ психическихъ давленій, подобно тому, какъ, напр., дѣти въ своихъ забавахъ или охотники въ совмѣстныхъ охотахъ совѣщаются другъ съ другомъ, устанавливаютъ планъ дѣйствій и т. д.).

Во всякомъ же случаѣ «попытка принужденія къ правильному» (къ правильной волѣ, т.-е. любви и соответственному поведенію) въ примѣненіи къ людямъ «со свободною» (отъ эгоизма), «правильною» волею есть nonsens. Можетъ быть рѣчь развѣ только объ удержаніи такихъ людей отъ того, чтобы они не слишкомъ жертвовали своими силами, здоровьемъ и проч. путемъ чрезмѣрнаго труда и рвенія въ направленіи общаго блага. Мы, напр., извѣстны дѣти съ такимъ трудолюбіемъ и рвеніемъ къ наукѣ, что не приходится понукать, но приходится всячески

убѣждать работать поменьше и т. д. Прежде добывали учение отъ дѣтей съ помощью тѣлесныхъ наказаній и т. п., и считалось невозможнымъ обходиться безъ этого. Психика мѣняется все быстрѣе, со все болѣе ускореннымъ темпомъ, по вполнѣ понятнымъ съ точки зрѣнія сознательной «философїи исторїи» причинамъ. Для ослабленія и разрушенія упроченныхъ въ теченіе сотенъ тысячелѣтій и окаменѣвшихъ психическихъ кристаллизаций требовалось не мало времени. Но когда эти окаменѣлости уже разрушены или сильно ослаблены, психика дѣлается болѣе похожею на гипсъ, чѣмъ на гранитъ. А если еще будетъ наука, которая поставитъ дѣло на почву сознательно-раціональной техники съ пониманіемъ причинныхъ зависимостей и утилизаціей этого знанія — система наукъ: правовой политики, политики нравственности, педагогики въ иномъ видѣ, чѣмъ она существуетъ теперь на почвѣ отсутствія надлежащихъ знаній, пониманій, перспективы и т. д.!

Такимъ образомъ нашъ идеаль совсѣмъ не такой, какъ это понимаетъ и при исываегъ мнѣ и формулируетъ самъ отъ себя Штаммлеръ. Это идеаль не внутри-правный, а сверх-правный.

Онъ и не нравственный, а сверх-нравственный.

Какой бы смыслъ имѣла нравственная норма «не убей», «не убивай своихъ ближнихъ» для голубей и другихъ существъ, совсѣмъ этимъ дѣломъ не занимающихся и совсѣмъ психически неспособныхъ къ такимъ дѣламъ? Такая норма была бы нелѣпостью не только по отношенію къ голубямъ и т. п., но даже по отношенію къ тиграмъ, пантерамъ и проч., которые тоже не убиваютъ своихъ ближнихъ, даже въ болѣе широкомъ смыслѣ, чѣмъ члены того же общественнаго союза, — въ смыслѣ, обнимающемъ всю породу тигровъ и т. д. Это только для людей и только для злыхъ людей имѣется и имѣеть смыслъ такая норма. Нравственное правило «не укради» имѣеть смыслъ только по отношенію къ такимъ, которые способны тайно присваивать чужое добро. Норма, запрещающая ложь, зависть и т. п., надобна только для лжецовъ, завистниковъ, т.-е. для способныхъ и склонныхъ къ этимъ гадостямъ.

Я старался выяснитъ въ другомъ мѣстѣ природу нравственности, какъ особыхъ комбинацій представленій, напр., «лжи», и авторитетно-понукающихъ или недопускающихъ эмоцій, возникающихъ и дѣйствующихъ въ психикѣ, удерживая отъ слѣдованія разнымъ искушеніямъ, естественнымъ, унаслѣдованнымъ аппетитамъ и проч., когда есть для этого поводы.

Такъ же какъ и право, нравственность есть продуктъ безсознательно-удачнаго соціально-психическаго приспособленія для психическаго давленія въ направленіи соціально-необходимаго поведенія и воспитанія, для недопущенія свободнаго дѣйствія и укрѣпленія унаслѣдованной, звѣрской и проч., эмоціональной психикѣ. Такъ же какъ и право, нравственность подлежитъ упраздненію и необходимо психологически упраздняется по мѣрѣ достиженія соотвѣтственныхъ воспитательныхъ успѣховъ.

Внимательное изученіе исторіи нравственности съ точки зрѣнія излагаемаго ученія покажетъ, что дѣло идетъ фактически къ постепенному упраздненію нравственности и что уже огромная масса нравственныхъ правилъ въ исторіи упразднена и сдана въ архивъ за ненадобностью. Сколь грандіозное давленіе развивала средневѣковая нравственность, чтобы держать въ кое-какомъ порядкѣ подлежащихъ варваровъ-полуживотныхъ въ порядкѣ въ области ѣды, въ половой области и т. п.! Какія воодушевленные проповѣди противъ поразительнаго тогда и губительнаго обжорства, пьянства, въ пользу цѣломудрія! Въ какихъ тискахъ моральныхъ (впрочемъ, и правовыхъ) держались тогда въ особенности женщины, какое обиліе нравственныхъ правилъ, запрещающихъ множество разныхъ вещей, какъ опасныхъ для цѣломудрія; какое нравственное негодованіе вызывало, напримѣръ, множество того, чего теперешняя нравственность уже не предусматриваетъ и не запрещаетъ, напр., появленіе дѣвушки безъ особаго надзора въ мужской компаніи или съ мужчиною, костюмъ съ раскрытою шеєю, у разныхъ народовъ даже только открытіе лица предъ чужимъ мужчиною! А теперь нѣтъ нравственнаго негодованія даже по поводу появленія голыхъ женщинъ на сценѣ! Это и т. п. въ высокой степени поучительно!

Какъ въ правѣ монархи уже освобождены отъ разныхъ добавочныхъ психическихъ давленій, такъ лучше люди уже теперь совсѣмъ или почти свободны отъ внутреннихъ понуканій нравственности, въ таковыхъ не нуждаются и на таковыя не наталкиваются; у нихъ нѣтъ внутреннихъ диссонансовъ, дисгармоній, — борьбы позывовъ къ убійству, присвоенію чужого, лжи и т. п., съ одной стороны, «голоса совѣсти», возстающаго противъ этого, противоположныхъ понуканій и стѣсненій внутренней свободы со стороны нравственности.

Съ теченіемъ времени вся нравственность отойдетъ въ область преданій, какъ воспоминаніе о былой некультурности людей и необходимости держать ихъ психику въ тискахъ нравственности.

Идеаль любви въ нашемъ смыслѣ есть не только сверхправный, что само собой разумѣется, но и сверхнравственный идеаль.

IV.

Статья чрезмѣрно разрослась. Обстоятельное выясненіе смысла прочихъ частей ученія Штаммера и другихъ вопросовъ соц. идеализма приходится отложить на будущее время, до изданія предположеннаго изслѣдованія о разныхъ направленіяхъ соціального идеализма и «возрожденія естественнаго права». Пока, во избѣжаніе возможныхъ недоразумѣній, по поводу ученія Штаммера, укажу еще кратко слѣдующее:

1. Ученіе о воспитательной функціи права воспринято и утилизировано Штаммеромъ въ «Wirtschaft und Recht» и цѣломъ рядѣ послѣдующихъ сочиненій. И это ученіе сообщается и безконечно повторяется въ его сочиненіяхъ въ дипломатическомъ видѣ, съ примѣненіемъ замысловатыхъ обходныхъ выраженій и т. д. Но есть и такія мѣста, изъ которыхъ можно и неосвѣдомленному узнать, въ чемъ дѣло, и тѣмъ самымъ найти ключъ для пониманія другихъ, болѣе дипломатическихъ, частей изложенія. Такъ, въ *Wirtschaft und Recht* на стран. 240 имѣется тезисъ:

«Нормы, формально конституирующія соціальную жизнь, были бы излишними и не имѣли бы никакого права на существованіе, если бы не было исправленія непосредственныхъ чувственныхъ влеченій и злыхъ инстинктовъ. Итакъ, дѣло идетъ о томъ, чтобы вести борьбу съ ними и, имѣя въ виду величественную цѣль усовершенствованія человѣчества и достиженія истинно-человѣческаго общенія людей, воздѣйствовать опредѣляющимъ образомъ на людей, воспитывая, руководя». (Ср. тамъ же, стран. 184, ср. «Die Lehre von dem richtigen Rechte, стран. 301 и др.).

Здѣсь авторъ даже утрируетъ подлежащее ученіе, придаетъ ему преувеличенное значеніе, полагая, что въ этомъ воспитательномъ, дѣйствіи права единственная *raison d'être* подлежащихъ нормъ, что право не имѣло бы никакого смысла и «права на существованіе», если бы не это воспитательное дѣйствіе. Здѣсь авторъ какъ бы забываетъ о соціально-мотиваціонномъ дѣйствіи права, объ огромномъ его значеніи въ качествѣ импульсовъ индивидуальнаго и массоваго поведенія, фактора экономическихъ процессовъ и т. д.

2. Это не мѣшаетъ ему заимствовать и утилизировать въ *W. u. R.* и рядѣ другихъ сочиненій и ученіе о мотиваціонномъ дѣйствіи

права и, въ свою очередь, утрировать и это учение, усматривать въ немъ всю суть дѣла, чрезмѣрно возвеличивать значеніе подлежащихъ тезисовъ, вплоть до возведенія ихъ въ основу понятія общества и науки обществовѣдѣнія вообще, соціальной философіи и т. д. (ср., напримѣръ, W. u. R. стран. 91, 106, 111 и т. д.). Я подлежащему учению, несмотря на авторство, не приписывалъ въ *Lehre v. Eink.* и не приписываю теперь столь грандіознаго значенія. Какъ уже было указано выше, я не считаю права, стало быть и соотвѣтственной системы соціальной мотиваціи, неизбѣжными и вѣчными спутниками общественной жизни; затѣмъ, поскольку право имѣется и дѣйствуетъ, не менѣе существеннымъ является воспитательная его функція, и то, что можно и слѣдуетъ объяснить въ общественной жизни психическими дѣйствіями права, въ частности экономическіе процессы, ихъ историческую эволюцію и т. д., можно объяснить только принимая во вниманіе обѣ функціи права. Но, затѣмъ, соціологія и философія человѣческой исторіи имѣли бы совершенно жалкій видъ, если бы онѣ исходили изъ права и его мотиваціоннаго дѣйствія, какъ даннаго, «конституирующаго» подлежащія науки, неизвѣстно откуда взявшагося. Надо, конечно, итти дальше и глубже. Въ частности задачею научной соціологіи является изученіе тѣхъ соціально-психическихъ процессовъ (взаимнаго эмоціоанально-интеллектуальнаго зараженія, ср. «Теорію права», § 51), которые ведутъ къ бессознательно-удачному соціально-психическому приспособленію, порождаютъ право, нравственность, религіи и т. д., заставляютъ ихъ измѣняться сообразно достигнутымъ измѣненіямъ человѣческой психики, и т. д.

4. Заимствованы и утилизированы Штаммлеромъ и разныя частныя ученія и развѣтвленія, связанныя въ L. v. E. съ основнымъ ученіемъ о соціально-мотиваціонной функціи права, въ частности, ученіе о причинной опредѣляемости экономическихъ процессовъ правомъ и соотвѣтственномъ отношеніи науки политической экономіи къ правовѣдѣнію, о двухъ системахъ правового управленія народнымъ хозяйствомъ, планомѣрно-централизованной и децентрализованной и т. д. ¹⁾). Первое ученіе положено Штаммлеромъ въ основаніе его ученія о «хозяйствѣ и правѣ» и о политической экономіи и отношенія ея къ праву. Положимъ, на стран. 236 онъ, глухо намекнувъ на существованіе какого-то ученія о причинной опредѣляемости хозяйственныхъ явленій мотивами, вызываемыми правомъ, не сообщая, кто и гдѣ выставилъ такое ученіе,

¹⁾ Ср. «Теорія права» II. § 49).

полемизируетъ съ этимъ ученіемъ и замѣняетъ его ученіемъ о правѣ, какъ «формѣ», и хозяйствѣ, какъ «матеріи» соціальной жизни. Такимъ образомъ получается отчасти, по крайней мѣрѣ, оригинальная теорія. Но это только на время и въ томъ только мѣстѣ, гдѣ конструируется разногласіе и оригинальность въ подлежащемъ отношеніи. Въ другихъ же частяхъ изложенія, въ предшествующихъ, гдѣ рѣчь идетъ о причинномъ, а именно психически-причинномъ мотиваціонномъ дѣйствіи права, а равно послѣдующихъ, гдѣ утилизируется мое ученіе о возможности и основахъ политики права и излагается въ сокращенномъ и дипломатически затемненномъ видѣ мое методологическое ученіе, ученіе о методахъ политики права (стран. 613 и сл.), чего никакъ нельзя сдѣлать безъ утилизаціи ученія о причинномъ отношеніи хозяйственныхъ явленій къ праву, уже «форма» и «матерія» получаютъ отставку (вполнѣ заслуженную въ виду довольно явной несообразности названія предшествующаго, права, формою по отношенію къ послѣдующему — хозяйственнымъ поступкамъ), и здѣсь рѣчь идетъ уже о причинномъ дѣйствіи, о предопредѣленіи причинныхъ послѣдствій предлагаемыхъ реформъ и т. д. (стран. 615 и сл.). Ученіе Л. в. Е. о централизованной и децентрализованной системахъ положено Штаммлеромъ въ основаніе выясненія различія индивидуалистическаго и социалистическаго строя (W. u. R. § 10, стран. 46 и слѣд. ср. «Теорія права» § 50, стран. 714 и сл.), и т. д.

5. Центральная и проходящая красною нитью чрезъ всю книгу о «хозяйствѣ и правѣ» (и послѣдующія сочиненія, безконечно повторяющія и варьирующія все тѣ же мысли), идея безъ знанія которой нельзя вообще понимать смысла этой книги, какъ и другихъ, послѣдующихъ, состоитъ въ томъ, что, на ряду съ традиціоннымъ, «техническимъ» правовѣдѣніемъ, возможно и необходимо построеніе на почвѣ ученія о мотиваціонныхъ и педагогическомъ причинномъ дѣйствіи права и соотвѣтственнаго предвидѣнія послѣдствій правовыхъ реформъ и т. д. — правно-политическаго правовѣдѣнія, систематической и методической науки политики права.

Эта мысль о новой наукѣ — политикѣ права безконечно повторяется въ такихъ замысловатыхъ формахъ, съ изобрѣтеніемъ массы обходимыхъ выраженій, что неосвѣдомленный можетъ и не догадаться, въ чемъ дѣло, что такое «идея законмѣрности въ соціальной жизни» (идея правильнаго, правно-политически обоснованнаго права), «правильныя соціальныя воли» (соціальная воля — обходное выраженіе-право) «естественное право съ измѣняющимся содержаніемъ», «правильное соціальное стремленіе»

(требование правно-политически обоснованной правовой реформы) и т. п. Но и въ этомъ отношеніи есть мѣста, гдѣ таинственность не выдерживается и гдѣ можно найти ключъ и для пониманія другихъ мѣстъ и сочиненія о хозяйствѣ и правѣ и послѣдующихъ сочиненій вообще.

Наименѣе дипломатическое мѣсто въ «Wirtschaft und Recht» находится на стран. 620, 621. Здѣсь говорится: «Систематическое и объективно-обоснованное сужденіе о правильности содержанія соціальной воли и стремленія, направлены ли они на сохраненіе или на измѣненіе права, возможно, подъ руководствомъ соціальнаго идеала... Это (предыдущее изложеніе) дастъ теоретическій базисъ и основныя черты и планъ научно обоснованной политики. Что же касается дальнѣйшаго построенія ея, то это уже только частности».

То-есть задача книги «Wirtschaft und Recht» состояла въ томъ, чтобы обосновать возможность научнаго, методическаго и систематическаго рѣшенія правно-политическихъ проблемъ, выяснить основанія и программу политики права, какъ науки; и въ приведенномъ мѣстѣ Штаммлеръ объявляетъ ее исполненною и указываетъ, что разъ надлежащій фундаментъ построенъ, то дальнѣйшее исполненіе намѣченной программы, уже дѣло специалистовъ — частности.

Какъ и соответственный мой тезисъ въ L. v. E., т. 2, стран. 623: «Если эти три части» (фундамента науки правовой политики: ученіе о психологическихъ послылкахъ политики, ученіе объ идеалѣ и прогрессѣ и ученіе о методѣ) «получатъ соответствующее идеалу и разумное обоснованіе и развитіе, тогда разработка дальнѣйшаго уже легко получится въ прекрасномъ и надлежащемъ порядкѣ» — подлежащій, по существу основной и заключительный, тезисъ Штаммлера поставленъ (логически правильно) послѣ предварительнаго выясненія, въ предыдущихъ частяхъ, соціальныхъ функцій права и тѣмъ самымъ психологическихъ посылокъ для правно-политической дедукціи неизбѣжныхъ или вѣроятныхъ послѣдствій, причинныхъ эффектовъ, такихъ или иныхъ реформъ или вообще правоположеній, затѣмъ, идеала политики права и, наконецъ, метода; поставленъ, какъ и въ L. v. E., въ качествѣ заключительнаго вывода непосредственно за обоснованіемъ возможности научнаго метода для рѣшенія правно-политическихъ вопросовъ и выясненія природы этого метода.

У меня обоснованіе и выясненіе природы правно-политическаго (комбинированнаго, дедуктивно-индуктивнаго) метода разработано

въ общей формѣ весьма внимательно и обстоятельно; одной проблемѣ фактической, опытно-индуктивной, провѣрки правильно-политическихъ дедуктивныхъ выводовъ съ помощью разныхъ данныхъ, въ томъ числѣ статистическихъ, посвящено болѣе сорока страницъ (581 и сл.); это сдѣлано, несмотря на то, что обоснованіе возможности дѣйствительно научнаго, методическаго, рѣшенія подлежащихъ вопросовъ и выясненіе природы подлежащаго метода еще раньше было мною доставлено въ другой формѣ, а именно въ формѣ множества соответственныхъ специальныхъ изслѣдованій, демонстрирующихъ *ad oculos* основанія, природу, научную солидность и плодотворность подлежащаго метода и тѣмъ самымъ предлагаемой науки (каковыя обильныя и кропотливыя монографическія изслѣдованія, демонстрирующія природу и научную солидность и плодотворность надлежащаго метода, и рѣшали дѣло во мнѣніи ученыхъ-спеціалистовъ противъ прежнихъ предразсудковъ и въ пользу «возрожденія ест. права» уже на новыхъ, солидно-научныхъ началахъ). У Штаммера дѣло значительно сокращается и упрощается по существу, дается краткое и упрощенное извлеченіе изъ подлежащаго методологическаго ученія, стран. 615 и сл., по обыкновенію затемняемое до неузнаваемости избѣганіемъ называть вещи своими, принятыми въ наукѣ и примѣняемыми въ *L. v. E.*, именами, отвлекающими вниманіе, не относящимися къ дѣлу, вставками и прочею дипломатією¹⁾.

¹⁾ Отмѣчу, что слово «дипломатія» для характеристики приѣмовъ изложенія Штаммера примѣняется не мною впервые; я его заимствовалъ въ качествѣ наиболѣе вѣжливаго выраженія, у М. Weber'a, который въ своей статьѣ о книгѣ Штаммера (*R. Stammers «Ueberwindung» der materialistischen Geschichtsauffassung* въ *Arch. f. Socialwiss. u. Politik*, XXIV, 1907 г., стран. 94 и слѣд.), недоумѣваетъ по поводу «дипломатіи», «дипломатической темноты»), напр. стран. 114: «Та своеобразная дипломатія темноты, о которой мы уже говорили раньше, замѣчается и здѣсь») и т. д., которая замѣчается въ книгѣ Штаммера, и примѣняетъ разныя иныя, болѣе рѣзкія, выраженія (ср., напр., стран. 100: «я думаю, что если найдется такой, который не дастъ себѣ пустить пыли въ глаза (обмануть), то онъ отнесется къ этому какъ къ схоластической мистификаціи, или наивной, или нахальной, «*sei es naive, sei es dreiste scholastische Mystifikation*»). Вообще въ статьѣ Weber'a эмоциональная подкладка — нравственное неодобреніе по поводу фальши и разныхъ другихъ приѣмовъ не научнаго свойства, хотя онъ далеко не освѣдомленъ относительно природы и тенденціи подлежащей дипломатіи, мистификаціи, обходовъ названія вещей своими именами и проч. Странную тенденцію затемненія изложенія разными специфическими средствами отмѣчаютъ и другіе. Напр., Scherer, *Sittlichkeit und Recht*, ставитъ вообще Штаммера, какъ и многіе другіе, очень высоко («мы считаемъ его изслѣдованія самыми цѣнными въ философіи права новаго времени, и авторъ производитъ вездѣ впечатлѣніе и гениальнаго и проникнутаго глубочайшею преданностію истинѣ изслѣдователя», стран. 5); но и онъ указываетъ: «Къ сожалѣнію Штаммеръ считаетъ нужнымъ свои мысли часто скрывать подъ столь трудно понятнымъ языкомъ, что требуется неимоверный трудъ, чтобы слѣдовать за развитіемъ его идей» (стран. 13).

Онъ даже избѣгаетъ слова «методъ», замѣняя его разными обходными выраженіями: «закономѣрное производство» (*gesetzmässiges Verfahren*), «процессы изслѣдованія» и т. п. вмѣсто сказать просто каковъ методъ политики права? говорится: «Въ какомъ законмѣрномъ производствѣ подлежатъ открытію правильныя средства для улучшенія соціальныхъ состояній?» (стр. 617); избѣгаетъ техническихъ названій: дедукція, индукція, замѣняя обходными описаніями, отчасти довольно странными, напр., вмѣсто сказать просто: дедукція, дедуктивное предвидѣніе причинныхъ неизбѣжныхъ результатовъ предлагаемыхъ законопроектвъ, говорится: «Здѣсь стало быть надо себѣ представлять тѣ будущіе соціальныя феномены, которые при предполагаемомъ регулированіи будутъ образоваться въ необходимо выясненномъ видѣ (*hier hat man sich also die kommenden socialen Phänomene vorzustellen, welche sich unter der vorgeschlagenen Regelung in notwendig darzulegender Art bilden werden*», стр. 617), и т. д. и т. д.

Изъ предыдущаго, пока краткаго, выясненія смысла и основныхъ элементовъ системы «соціальной философіи» Штаммлера видно, между прочимъ, сколь далека эта система и по происхожденію и по смыслу отъ системы правно-философскихъ идей Канта. Въ частности изъ предыдущаго видно, что формула Штаммлера: «общественный союзъ свободно хотящихъ людей» радикально и принципиально отличается отъ принципа правовой философіи Канта, принципа, предписывающаго такое устройство права и государства, чтобы свобода одного совмѣщалась со свободою всѣхъ и каждаго, не только по содержанію, о чемъ уже говорилось выше, но и по роли и смыслу въ подлежащихъ ученіяхъ. У Канта это принципъ для дедуцированія изъ него началъ устройства права и государства и при томъ началъ, обязательныхъ во всякое время, въ томъ числѣ и въ настоящее, такъ что это готовый рецептъ для надлежащаго построенія права и государства, одинаково правильнаго теперь и всегда. У Штаммлера же, какъ и въ L. v. E., идея разумной любви, свободы отъ эгоизма и т. д., есть высшая цѣль, идеаль, идеаль особаго человѣческаго характера (а не государственно-правового устройства), служащій не посылкою для вывода готовыхъ и неизмѣнныхъ правилъ государственнаго устройства, а цѣлью для прикладной науки — политики

¹⁾ Въ предположенномъ болѣе обстоятельномъ выясненіи дѣла будутъ указаны разныя искаженія и логическія несообразности, получающіяся на почвѣ подлежащаго, сокращеннаго и упрощеннаго по существу и изуродованнаго дипломатіей изложенія.

права, подобно тому, какъ для медицины и гигиены цѣлью является здоровье. И какъ изъ «здоровья» нельзя вывести системы началъ терапіи, гигиены и т. д., а для этого требуются совсѣмъ инныя послышки и иные методы, такъ и методъ политики права, выясненной въ L. v. E. и заимствованной въ сокращенной и упрощенной формѣ въ W. и R. Штаммлера, ничего не имѣетъ общаго съ методомъ Канта въ его системѣ ученія о разумномъ правѣ.

И если ученіе Штаммлера принимается за кантіанское ученіе и въ качествѣ такового рѣзко и рѣшительно противопоставляется ученію о наукѣ политики права на почвѣ научно психологическихъ посылокъ, ученія о мотиваціонномъ и воспитательномъ дѣйствіи права и т. д., какъ нѣчто принципиально отличное, если неокантіанцы, Natorp, Gerlach и др., приписываютъ Штаммлеру создание эпохи въ философіи права и социальной философіи путемъ новой постановки этихъ наукъ на прочный и авторитетный базисъ ученія Канта, то это въ высшей степени характерно и интересно съ психологической точки зрѣнія, но съ научной точки зрѣнія — довольно капитальное недоразумѣніе, не лишенное юмористическаго оттѣнка. вмѣстѣ съ тѣмъ весьма своеобразный, пожалуй единственный въ исторіи науки, примѣръ грандіозной въ своемъ родѣ и удачной дипломатіи и мистификаціи¹⁾.

Тѣ, которые считаютъ возможнымъ упрекать автора L. v. E. по поводу его указанія на сходство идей Штаммлера съ идеями L. v. E. или даже намекать на обратное сходство и заимствование, выдвигаютъ, кромѣ утвержденія, что дѣло идетъ о принципиально различныхъ идеяхъ и социальныхъ міросозерцаніяхъ по существу, сообщеніе, что Штаммлеръ де высказывалъ подлежащія идеи еще раньше, въ статьѣ: «Ueber der Methode der geschichtlichen Rechtstheorie» въ Festgabe zu B. Windscheids 50-jährigen Doctorjubiläum, 1889 г. И здѣсь они въ отстаиваніи интересовъ Штамллера идутъ смѣлѣе и дальше, чѣмъ считаютъ возможнымъ итти самъ Штаммлеръ; онъ затрачиваетъ огромное множество труда въ W. u. R. и другихъ сочиненіяхъ на созданіе вида оригинальности подлежащей системы идей и примѣняетъ для этого всевозможныя замысловатыя средства; и, конечно, если бы сопо-

¹⁾ Тѣмъ болѣе поразительный и психологически интересный, что литературное прошлое автора, оказавшагося съ 1896 г. гениемъ, создающимъ эпохи въ наукахъ, было до этого года болѣе, чѣмъ скромнымъ, и не внушавшимъ особыхъ надеждъ и довѣрія (исторія съ учителемъ — Биндингомъ, который, довѣрчиво изложивъ свои еще неопубликованныя идеи слушателямъ-ученикамъ, затѣмъ былъ поставленъ въ трудное положеніе появленіемъ своего ученія въ печати подъ именемъ Штаммлера, въ качествѣ автора, и принужденъ былъ публично выяснять происхожденіе идей Штаммлера; какъ это мнѣ приходится теперь дѣлать).

ставленіе съ прежними своими положеніями давало ему въ руки пужное средство, онъ бы не преминулъ имъ воспользоваться, какъ несоизмѣримо лучшимъ, вмѣсто всѣхъ другихъ. Но онъ этого не дѣлаетъ. И онъ поступаетъ очень благоразумно, потому что въ противномъ случаѣ получилось бы какъ разъ доказательство противоположнаго, доказательство отказа подъ вліяніемъ чего-то или кого-то отъ своихъ собственныхъ прежнихъ взглядовъ и усвоенія совсѣмъ иного ученія. Прежде онъ такъ говорилъ объ естественномъ правѣ, что такой врагъ естественно-правовыхъ ученій, и опытный и умѣлый разоблачитель естественно-правовой «ереси», какъ Бергбомъ, цитируя въ своей знаменитой «Jurisprudenz und Rechtsphilosophie» цѣлые ряды представителей этой ереси въ Германіи и другихъ странахъ (стран. 242 и соч.) даже не упоминаетъ имени Штаммлера, а въ другомъ мѣстѣ причисляетъ его къ свободнымъ отъ этой ереси (стр. 146). А именно прежде Штаммлеръ сводилъ дѣло къ опредѣленію цѣли права, чѣмъ, конечно, никто никогда не запрещалъ никому заниматься и чѣмъ занимался и Савиньи и его ученики (усматривая цѣль права въ свободѣ), Иерингъ и проч. А въ *Wirtschaft und Recht* возсоздается дуализмъ правовѣдѣнія, обосновывается цѣлая наука (система наукъ) — политика права, «естественнаго права съ измѣняющимся содержаніемъ» и т. д. на почвѣ цѣлой новой системы идей.

Отсюда, между прочимъ, для принимающихъ прежнія и новыя идеи Штаммлера за тождественныя получается впечатлѣніе противорѣчія (ср. выше, стр. 57).

Прежнее неизмѣнное «естественное право» (неизвѣстно почему такъ названное — цѣль права) вдругъ въ *W. u. R.* стало измѣнчивымъ, вопреки своему существу.

Въ дѣйствительности оно стало измѣнчивымъ, потому что оно совсѣмъ не то, что прежде Штаммлеръ называлъ почему то «естественнымъ» правомъ. Противорѣчіе есть, но это противорѣчіе между двумя различными ученіями, отказъ отъ прежняго ученія и присоединеніе къ другому ученію.

И предположеніе, что ученіе Штаммлера въ «*Die Lehre von dem richtigen Rechte*» есть какое-то новое ученіе, новое и по отношенію къ *W. u. R.*, «замѣна совершенно новой проблемой» и т. д. ошибочно. Названная книга представляетъ не что иное, какъ попытку примѣнить общія начала политики права, изложенныя въ *W. u. R.*, къ гражданскому праву, т.-е. построеніе гражданской политики (ср. аутентическое объясненіе Штаммлера выше, стр. 23), другой вопросъ, насколько удачная попытка.

И идея примѣненія цивильной политики въ сферѣ догматики и суд. практики, къ толкованію, заполненію пробѣловъ дѣйствующаго права, и т. д., отнюдь не новая идея. Съ такого примѣненія идей политики права (въ сферѣ догматики римскаго права, его объясненія, толкованія, заполненія его пробѣловъ и т. д.) дѣло даже началось, и цѣлый рядъ авторитетныхъ ученыхъ одобрили это и рекомендовали такое же отношеніе къ будущему новому кодексу прежде, чѣмъ выступилъ Штамmlеръ.

Л. Петражицкій.

СПбГУ